

РОГОВЫЕ НАКЛАДКИ ЛУКА КАРПАТСКОЙ КОТЛОВИНЫ X-XI ВВ.

В археологическом наследии древних венгров, переселившихся в Карпатскую котловину в 895 г. уже на ранней стадии археологических исследований была распознана функция тех роговых пластинок-накладок¹ на лук, которые располагались по обеим сторонам рукояти, и твердого роговидного конца лука (неподвижной части плеча)². Однако функциональное определение этих роговых пластинок X-XI вв., найденных в Карпатской котловине, тогда еще не основывалось на обнаруженных и исследованных *in situ* остатках лука. Использовались аналогии XVII-XIX вв., а также материалы аварских погребений VII-VIII вв. При этом большую роль сыграл и всесторонний анализ морфологии роговых пластинок (Sebestyén K., 1932, с.179-188). Кроме этого, в данном научном труде Карой Ч.Шебештен сделал попытку реконструировать лук эпохи завоевания родины (рис.1, 1).

С тех пор в венгерской археологии не появилось обобщающих, значимых исследований по указанной проблематике. Об этом в 1975 г в связи с исследованием оружия древних венгров эпохи завоевания писал венгерский археолог Ласло Ковач: *"Наши познания о сложном рефлексном луке венгров-завоевателей с момента обобщения, сделанного Кароем Ч.Шебештенем, практически не расширились"*, и *"собрание находок луков с костяными накладками – это задача, которую предстоит еще осуществить"* (Kovács L., 1975, с.523-524). Тем не менее, Ласло Ковач в диссертации не исследовал накладку лука эпохи завоевания (Ковач Л., 1981). Несмотря на многочисленные археологические раскопки, проводимые в Венгрии, только в 1985 г

были обнаружены такие находки, под влиянием которых венгерская археология обогатилась новым научным трудом (Nagy K., Révész L., 1986). Эта работа написана в русле постановки вопроса и методики предметного анализа, сформулированных Кароем Ч.Шебештенем. Позже результаты теоретической работы К.Ч.Шебештена были реализованы на практике стрелком из лука Дюлой Фабьяном (Fábián Gy., 1967). В 1954 г он изготовил лук по рисункам-реконструкциям К.Ч.Шебештена, а затем реконструировал лук, остатки которого были найдены в погребении 58 могильника Бекеш-Повадзуг (Trogmayer O., 1962, с.18, табл.IV; Fábián Gy., 1984) (рис.1, 2, 3). Благодаря этому мы получили информацию о предполагаемых методах изготовления лука эпохи раннего средневековья. Это исследование основывалось, в первую очередь, на этнографии, но носило характер экспериментальной археологии. Однако в ходе реконструкции Д.Фабьян применил только часть информации о накладках найденного в погребении лука, используя их для расчета размеров лука. То есть длина тетивы реконструированного лука примерно соответствовала максимальному расстоянию между концами роговых пластинок реального лука.

Некоторое изменение в венгерские археологические исследования внесли статьи инженера-музееведа Габора Сёллёши (Szöllösy G., 2000). Мы должны признать, что он в большинстве случаев³ изучал материал неархеологическими методами, однако своими целевыми установками не раз подавал пример археологам. Здесь, в первую очередь, мы имеем в виду его призыв составлять более тща-

¹ Поскольку подавляющее большинство роговых аппликаций луков Карпатской котловины X-XI вв. представляют собой тонкие пластины дугообразной формы в поперечном сечении, венгерская археологическая терминология делает различие между ними и имеющими большую толщину аппликациями лука с приплюснутым, трапециевидным сечением. Поэтому в переводе нашей статьи для первых использован термин центральная и боковая пластины, а для последних – концевая передняя фронтальная накладка и центральная (тыльная или передняя) фронтальная накладка. Когда говорим об аппликациях вообще или в обычном смысле, то при переводе используем термин "накладка".

² Функциональное определение роговых пластинок-накладок на лук раннего средневековья было выполнено собственно говоря одновременно, но независимо друг от друга преподавателем Саратовского университета П.С.Рыковым (Рыков П.С., 1929) и сегедским этнографом и археологом-любителем Кароем Ч.Шебештенем (Sebestyén K., 1930).

³ Кроме короткого анализа в докторской диссертации (Szöllösy G., 1995b, с.44-46, 55-60). Пользуясь случаем, мы выражаем благодарность доктору Габору Сёллёши за возможность ознакомиться с диссертацией.

тельно документацию о накладках луков (Szöllösy G., 2002, с.137, рис.2, 3), а также публикацию по практическому использованию луков (Szöllösy G., 1992b). Г.Сёллэши впервые проанализировал сложносоставные, с твердыми (с неподвижной частью плеча) роговидными концами (рефлексные) луки с помощью механического моделирования (реконструкции) их конструкции. Кроме того, он проводил исследования, связанные с коэффициентом полезного действия лука (Szöllösy G., 1992a). Вопреки тому, что подобное моделирование не имеет большой связи с археологическими находками, исследования в этой области оказались наиболее плодотворными (Madaras L., 1994, с.59; Szöllösy G., 1995a; 1995b; Mészáros L., Szöllösy G., 1995; Dobolán G., Szöllösy G., 1996; Hajdu L., 1996; Szöllösy G., 2004; Tóth L., 2005).

В последнее время все чаще появляются так называемые "реконструкции луков древних венгров" в полунаучных⁴ или (что еще хуже) в псевдонаучных исследованиях⁵. Даже в наши дни спортивные магазины, специализированные магазины луков и ярмарки кустарной промышленности завалены этими изделиями⁶. Так называемые "реконструкции" луков изготавливаются не на основании информации, полученной из археологических раскопок. Поэтому с точки зрения изучения лука эпохи венгерского завоевания они не релевантны. В последнее десятилетие сформировались многочисленные общества, которые "культивируют традиции эпохи древних венгров и завоевания"⁷, и которые используют эти "реконструкции луков"⁸ в своих изданиях и выступлениях, популяризируют их как лук древних венгров-завоевателей⁹. Хотя эти организации могли бы играть важную роль в коммуникации между обществом и наукой, по аналогии с подобными западноевропейскими организациями (Igaz L., 2007, прим.11).

Что касается возможных реконструкций луков на основании археологических находок и точной фиксации во время их обнаружения, то в последнее время в венгерских археологических исследованиях озвучены определенно негативные результаты. Летом 2007 г в Венгерском Национальном музее проводилась конференция по археологии Карпатской котловины X-XI вв., на которой в своих докладах Г.Сёллэши и А.Биро подчеркнули, что, исходя из обстоятельств археологических находок в погребениях, реконструировать действующий лук практически невозможно (Szöllösy G., 2007; Biró Á., 2007). С одной стороны, в неразрушенных захоронениях довольно часто пластинки луков обнаруживаются на местах, не соответствующих конструкции настоящего лука (рис.1, 4)⁹. Даже их количество не соответствует целому луку¹⁰ (рис.1, 5) (Biró Á., в печати, диаграммы 5, 6). А с другой стороны, в тех малочисленных неразрушенных погребениях, где полная гарнитура, состоящая из 6 пластин, располагалась более или менее соответственно реальной конструкции лука, сложносоставные луки, реконструированные по этим позициям пластин, из-за сильной асимметрии не действуют (в рамках этой статьи мы еще отдельно займемся проблемой невозможности реконструкции луков только на основании пластин X-XI вв., найденных в Карпатской котловине). Это, естественно, делает актуальным исследование пластин лука X-XI вв. Карпатской котловины¹¹, так как обнаружение классификационной и типологической систем связей пластин лука дает важную информацию.

В данной статье мы рассматриваем этот вопрос на основе недавно обнаруженной в Карпатской котловине рукояти лука с новой конструкцией. Во второй части нашей работы мы сопоставляем новейшие результаты исследования восточноевропейских накладок и пластинок лука с самыми

⁴ Kiss B., 2004; Csikós B., 2004; Horváth S. et al, 2005, pp.142-154.

⁵ Poór M., 2006.

⁶ Вот только несколько мастеров по изготовлению лука, имеющих самую большую клиентуру: L.Kassai (<http://www.kassailovasijaszat.hu>), Cs.Grózer (<http://www.grozerarchery.com>), I. Tóth (<http://www.sevenmeadowsarchery.com>), D.Flagella (<http://www.flagelladei.hu>). Каждый из них однозначно конструирует "древневенгерские" луки, используя свою фантазию и отойдя от археологических материалов или по причине неимения знаний о них. Это особенно заметно в случае "древневенгерских" луков мастера Л.Кашшан: здесь продаются восемь различных "типов" под разными названиями.

⁷ Здесь мы не занимаемся анализом внутреннего противоречия этого термина.

⁸ Например, Kassai L., 2001, с.44; Kelemen Zs., 2005.

⁹ Под термином "соответствует конструкции настоящего лука" подразумевается такая позиция пластинок лука в могиле, которая соответствует их расположению на действующем луке, из которого можно стрелять. См. на упомянутом рисунке, где порядок пластин неправильный (в позиции верхней концевой роговой пластины находится пластина рукояти).

¹⁰ В случае находок эпохи завоевания это означает 2 центральных боковых пластины и 2-2 концевых боковых пластины на двух твердых (неподвижных частях плеча) роговидных концах лука.

¹¹ Более того, открываются новые перспективы в их оценке и интерпретации в связи с их ролью в погребальном обряде.

последними данными о накладках и пластинках лука X-XI вв. Карпатской котловины, исследования которых продолжаются (Vígó Á., в печати).

Центральные фронтальные роговые накладки луков X-XI вв. Карпатской котловины

Сентеш, Дерекедьхази-олдал,
табла Д-3, могила 6

В 2002-2003 гг авторы настоящей статьи (Петер Ланго и Аттила Тюрк) провели несколько контрольных раскопок на территории ранее уже известных, но еще не полностью вскрытых могильников X-XI вв. В сентябре 2002 г в юго-восточной части Венгрии¹², вблизи г.Сентеш, совместно с Сегедским областным музеем им.Ференца Мора производились раскопки в местности, известной в археологической литературе под названием "Дерекедьхази-олдал, земля хутора 129 Бенямина Берени" (Langó P., Törk A., 2003; 2004). Местность находится на большой равнине, в районе устья реки Кёрёш, где она впадает в Тиссу, к юго-востоку от города Сентеш. В 1940 г археолог сентешского музея Габор Чаллань исследовал здесь 4 погребения (Csallány G., 1941). В ходе новых раскопок удалось найти старые могилы и разведочные траншеи раскопок 1940 г, а также 4 новых погребения. В результате могильник можно считать полностью исследованным (рис.2, 1).

В погребении 6, которое, судя по пятому, вроде бы было ненарушенным, обнаружены останки мужчины 46-52 лет (рис.3, 1). По обеим продольным сторонам ямы находились заплечики (рис.3, 2). На северном заплечике обнаружены отдельные кости 9-летнего жеребца (рис.3, 3, 4). Хотя пято могилы казалось целым, правая сторона скелета человека была сильно нарушена. Сдвинутые кости вместе с находками¹³ (рис.4), которые происходили из разных секторов могилы, были сосредоточены в северо-западном углу несколькими слоями, друг над другом. Между ними, в переотложенном состоянии, лежали две центральные боковые пластины, одна из которых была утрачена еще во время раскопок. Рядом с одной из боковых пластин лежала роговая накладка (рис.5, 1). Она хранится в г.Сентеш (Музей им.Йожефа Косты, инвентарный номер 2002.03.91), имеет дуговидную форму

с относительно правильным трапециевидным поперечным сечением. Ее размеры: длина – 10,8 см, ширина нижней части – 0,8 см, верхней – 0,35 см, толщина – 0,4 см. Три из четырех поверхностей длинных сторон покрыты поперечными насечками по образцу шахматной доски, а самая узкая длинная поверхность (короткое основание трапециевидной формы) гладкая, возможно, она когда-то была яркой, отполированной. Насечки глубокие, частые, грубые, бороздчатые. Они радикально отличаются от насечек на внешней поверхности сохранившихся центральных боковых пластин, но совпадают с насечками, которые покрывают внутреннюю поверхность этой пластины. Концы роговой накладки слегка расширены, прямо отрезаны, без насечек (рис.5, 2). Погребение на основании сопроводительного инвентаря и датировки остальных погребений могильника датируется 2-й пол.Х в., точнее, периодом между 940-980 гг, что подтверждают и радиоуглеродные (радиокарбонные) данные (¹⁴C) из захоронения 5.

Хотя представленная выше центральная фронтальная накладка, обнаруженная в погребении из Сентеша, является не единственной в археологических материалах Карпатской котловины X-XI вв., венгерские исследователи до сих пор не определили настоящую функцию данного предмета и его аналоги. Ниже сделаем попытку выяснить предназначение накладки, основываясь на археологических материалах Карпатской котловины. Кроме того, наметим восточноевропейские параллели этого типа предмета в системе типологических связей пластин-накладок луков Карпатской котловины и Восточной Европы в X-XI вв.

Роговые накладки X-XI вв. с трапециевидным поперечным сечением из Карпатской котловины

В ходе поисков непосредственных морфологических аналогий вышеописанной роговой накладке из Сентеша Дерекедьхази-олдал нами обнаружено пять экземпляров (рис.6, 1-5). Эти роговые накладки по материалу, форме, размеру, сечению и штриховке на поверхности близки экземпляру из Сентеша Дерекедьхази-олдал. Пять экземпляров из шести мы лично смогли осмотреть¹⁴. Самые важные данные роговых накладок содержит табл. I.

¹² Работа проводилась в рамках проекта: "Történeti genetika a magyar ethnogenezis kutatásában" (Историческая генетика в исследовании венгерского этногена) NKFP 5/088/2001.

¹³ Погребальный инвентарь, кроме ниже подробно проанализированного набора лучника, состоит из стремян, уди, железных пряжек, бусинки, маленького обломка серебряной пластины (рис.4).

¹⁴ Благодарим коллег, оказавших нам помощь при осмотре находок: Пала Медьешы (г.Бекешчаба), Каталин Тот (г.Ходмезевашархей), Йожефа Йаноша Сабо (г.Сентеш).

Табл. 1. Роговые накладки с трапециевидным поперечным сечением X-XI вв. Карпатской котловины

№	Местонахождение	Поперечное сечение	Длина*	Ширина	Толщина	Другие элементы набора лучника	Источник
1	Vörs, Majori-dűlő, 357. sír (Вёрш, Майори-дюлө, могила 357)	Трапециевидное	4,2 см (13,6 и 13,9 см)	Данных нет	Данных нет	2 центральных боковых пластины, как минимум 1 концевая боковая пластина, 6 наконечников стрел, железные и костяные детали колчана	Költő L., Horváth P., 2004, с.223, рис. 3, 4; фиг. 5, 8
2	Rakamaz-Strázsadomb, 3. sír (Ракамаз-Штражадомб, могила 3)	Трапециевидное	9,2 см (13,2 см)	0,95 см	0,35 см	2 центральных боковых пластины, 2 обломка концевой боковой пластины, 5 наконечников стрел, железные детали колчана	Не опубликовано**
3	Szentes-Borbásföld 15. sír (Сентеш-Борбашфөлд, могила № 15)	Неправильно-трапециевидное	6,15 см (16 см)	1,1 см	0,3 см	2 центральных боковых пластины, 2 обломка концевой боковой пластины, 7 наконечников стрел, железные детали колчана	Révész L., 1996b, с.302, рис. 13
4	Szentes, derekegyházi-oldal D-3 tábla, 6. sír (Сентеш, Дерекедьхази-олдал, табла Д-3, могила № 6)	Трапециевидное	10,8 см (16,7 см)	0,8 см	0,4 см	2 центральные боковые пластины, 5 наконечников стрел, железные детали колчана	Langó P., Türk A., 2004, с.196-198
5	Újkígyós, Skoperdátanya 3. sír (Уйкидеш, хутор Шкоперда, могила № 3)	Трапециевидное	12,8 см (14 см)	1,5 см	0,9 см	1 целая и 1 фрагментированная центральная боковая пластина, обломки концевой боковой пластины, 1 наконечник стрелы, костяные детали колчана	Medgyesi P., 2002, с.147, 157-158, рис. 8-9
6	Hódmezővásárhely-Szakálhát, Bakaytanya 19. sír (Ходмезёвашархей-Сакалхат, хутор Бакаи, могила № 19)	Трапециевидное	3,1 см***	0,8 см	0,5 см	1 центральная боковая пластина, 2 концевых боковых пластины, 5 наконечников стрел, детали колчана из кости и железа	Bálint A., 1936, с.207, табл.LXX

* Роговые накладки целые по длине. Длина центральной боковой пластины дана в скобках.

** За предоставленную информацию благодарим докторов Петера Немет и Эстер Иштванович, а также Аттилу Якаб, Андрее Мештер (Музей им.Андраша Йожу, г.Ниредьхаза).

*** Центральная боковая пластина чрезмерно фрагментирована, поэтому ее невозможно измерить.

При анализе предназначения упомянутых выше роговых накладок необходимо исходить из информации о тех экземплярах, которые были обнаружены и задокументированы на месте раскопок. От анализа точного местоположения предмета в погребении можно ожидать, что по находящимся вблизи него прочим предметам возможно определить его функцию. С этой точки зрения самым важным является то, что во всех шести могилах находились элементы набора лучника (пластины лука, наконечники стрел и остатки колчана). Не является исключением и сильно нарушенное, предположительно ограбленное погребение из Сентеш Дерекедьхази-олдал, поскольку в нем также сохранились остатки полного набора лучника. Однако такая полнокомплектность набора вовсе не является характерной для археологических материалов X-XI вв. Карпатской котловины. Чаще эти предметы присутствуют в отдельных захоронениях неполнокомплектно, фрагментарно (например, боковая пластина без наконечников стрел, колчан без наконечников стрел и т.д.)¹⁵. Таким образом, присутствие в погребениях с роговыми накладками всех элементов набора лучника не является решающим аргументом в этом вопросе. Однако мы можем точно определить функцию предмета в том случае, если обратим внимание на то, что в четырех задокументированных захоронениях роговые накладки находились в непосредственной близости от центральных боковых пластин.

1. По описанию погребения, исследованного вблизи Сентеша-Борбашфёлда в 1954 г, роговая накладка находилась в непосредственной близости от центральной боковой пластины (Révész L., 1996b, с.302). К сожалению, во время раскопок не были сделаны ни фотографии, ни чертежи погребения, что не дает дополнительной информации по интересующему нас вопросу.

2. В погребении 6 могильника Сентеш, Дерекедьхази-олдал табла Д-3 роговая накладка, по всей вероятности, находилась в переотложенном состоянии, но также вблизи одной из центральных боковых пластин, вдоль дуги ее тыльной стороны (рис.5, 1).

3. В погребении 3 из Уйкидеш (хутор Шкоперда), судя по чертежу и описанию могилы, роговая накладка лежала возле центральной боковой пластины (рис.6, 1) (Medgyesi P., 2002, с.147, рис.8). Несмотря на это, Пал Медеши сделал вывод, что она украшала устье колчана (Medgyesi P., 2002, с.157-

158). В материалах X-XI вв. Карпатской котловины украшения устьев колчанов, вырезанные из рога, имеют две формы¹⁶, однако по многим деталям они отличаются от исследуемых здесь находок. Так, ни одно из украшений колчанов в отличие от роговой накладки типа Сентеш, Дерекедьхази-олдал не имеет прямоугольного сечения и трех сторон, покрытых сплошной сетчатой бороздчатой штриховкой.

4. Наконец, подробная документация погребения из Вёрша дает достоверную информацию в решении данного вопроса (Költő L., Horváth P., 2004, рис.3; 5, 8.). На увеличенном фрагменте чертежа и фотографии погребения хорошо видна позиция *in situ* роговой накладки. В ненарушенной могильной яме роговая накладка лежала между двумя центральными боковыми пластинами, которые находились в позиции *in situ*. Центральные боковые пластины несколько надвинулись друг на друга, а сама рукоять лежала на наполненном стрелами колчане, который находился справа от погребенного (рис.6, 3). Эта удачная находка в позиции *in situ* является доказательством того, что роговая накладка играла важную роль в конструкции рукояти лука и располагалась между двумя параллельными боковыми пластинами, которые крепились на боковой стороне рукояти. Кроме того, погребение из Вёрша дает и другую информацию. Если положение роговой накладки сравним с положением концевой боковой пластины, то станет ясно, что пластины лука лежали в погребении соответственно реальной конструкции ненапрянутого лука. Передняя часть лука была направлена в сторону умершего, а тыльная часть – в сторону стенки могильной ямы. Так как роговая накладка лежала со стороны стенки погребальной ямы, логично предположить, что она была элементом тыльной, а не фронтальной (направленной на цель) части рукояти лука. Это подтверждается и экземпляром из Сентеш, Дерекедьхази-олдал: роговая накладка с трапециевидным сечением точно прилегает к тыльной части центральной боковой пластины (рис.5, 3, 4). Именно в таком положении они были найдены в погребении.

Ниже коротко рассмотрим отдельные морфологические характеристики (трапециевидное поперечное сечение, покрытие сплошной сеткой насечек трех сторон накладки), которые могут дать нам дополнительные важные сведения о положении и функции роговых накладок на рукояти лука. При интерпретации предназначения насечек на поверх-

¹⁵ Biró Á., 2008. Методологические основы исследования функциональных групп вооружения см.: Hárke H., 1989; 1990; 1992a; 1992b.

¹⁶ Большие, плоские, вытянутые в форме прямоугольника обычно с округленными углами, в большинстве случаев прикреплены заклепкой. Второй тип – удлиненные, очень узкие, плоские маленькие пластины, в большинстве случаев с заклепками (Révész L., 1985, с.42-45; 1996b, с.172-174; Kürti B., 1996; Straub P., 1999).

ности костяных предметов мы исходили из того, что это – специальная техника, которую применяли, главным образом, для прочной склейки. Поэтому в публикации роговой накладки из Уйкидеша П.Медеси с полным правом предположил, что она могла быть частью предмета, внутри которого находились все три поверхности с насечками данной роговой наклейки, а видна была только передняя, ровная, без насечек поверхность (Medgyesi P., 2002, с.157-158). Следовательно, роговые наклейки идеально подходили для заполнения продольной узкой щели между роговой накладкой и центральными боковыми пластинами таким образом, что самая широкая часть роговой наклейки была повернута в сторону кибиты, а с двух сторон ее окружали центральные боковые пластины, сцепленные с двумя узкими, покрытыми насечками, поверхностями роговой наклейки. В результате только одна из четырех сторон роговой наклейки могла быть видна. Она не была покрыта насечками и, очевидно, была полированной (рис.5, 4). В связи с роговой накладкой из Сентеша, Дерекедьхази-олдал было упомянуто, что насечки роговой наклейки соответствуют насечкам внутренней поверхности центральной боковой пластины. Это указывает на то, что они были нанесены одинаково с целью склеивания одним и тем же материалом. А это, в свою очередь, означает, что роговая наклейка соприкасалась с краями центральных боковых пластин не непосредственно, а через какой-то промежуточный материал (сужилие или рог).

Роговые наклейки относятся к двум различным диапазонам длин, одна из них – около 6 см, а другая – 10-12 см. Остальные их размеры практически совпадают. Однако намного важнее является соотношение между длинами роговых накладок и центральных боковых пластин, поскольку часто общая длина роговых накладок и центральных боковых пластин совпадает.

1. У экземпляра из Уйкидеша (хутора Шкоперда) длина роговой наклейки совпадает с общей длиной центральной боковой пластины.

2. Длина роговых накладок из Сентеша, Дерекедьхази-олдал и Вёрш-майора приблизительно совпадает с непокрытой насечками срединной частью центральных боковых пластин.

3. Исключениями (т.е. короткими) являются экземпляры из Сентеша-Борбашфёлд и Ходмезёвашархея-Сакалхат. Роговая наклейка из Сентеша-Борбашфёлд не только короткая, но еще в отличие от других имеет неправильное трапециевидное сечение, что подчеркивает некоторую специфичность ее формы.

О центральных фронтальных накладках с полным правом можно сказать, что они не играли статической роли в луке. Об этом свидетельствует их

крайне небольшое количество в археологических материалах Карпатской котловины. Из более чем 280 погребений X-XI вв., в которых были обнаружены пластины и наклейки лука, известно всего лишь 6 экземпляров. С другой стороны, наклейки из Сентеша-Борбашфёлд и из Ходмезёвашархея-Сакалхат, которые по сравнению с центральной боковой пластиной очень маленькие, такой функции не имели. Центральные фронтальные наклейки, скорее всего, необходимы при подгонке центральных боковых пластин, для их крепления и обеспечения стабильности покрытия рукояти лука. С их помощью захват рукояти, возможно, стал более удобным, так как их наличие обеспечивало для руки ровную, сплошную, полукруглую поверхность. При натяжке лука на держащую рукоять ладонь воздействует очень сильное противодействие, которое могло быть неудобным при захвате краев центральных боковых пластин.

Небольшое количество центральных фронтальных накладок является тенденцией. Типы, которые могут считаться морфологическими предшественниками данных фронтальных накладок X-XI вв., в большем количестве имеются в материалах аварской эпохи Карпатской котловины. Они близки к накладкам X-XI вв. по их позиции на рукояти лука и наличием насечек (например, Sebestyén K., 1930, рис.4). Однако их форма значительно отличается от упомянутых выше фронтальных накладок X-XI вв. (например, концы расширяются, пластины тонкие, длина совпадает с длиной центральной боковой пластины и т.д.). Хотя некоторые экземпляры имеют трапециевидное сечение, среди них нет таких приплюснутых и коротких, как описанные нами выше костяные наклейки. Более того, наклейки аварской эпохи расположены на рукояти лука не по одной, а попарно (как на фронтальной части, направленной в сторону цели, так и на тыльной части, обращенной в сторону лучника). Таким образом, типологическую связь между центральными фронтальными накладками аварской эпохи и эпохи завоевания родины (X-XI вв.) можно предположить только как очень отдаленную и опосредованную.

Относительно топографии находок центральных фронтальных накладок X-XI вв. из Карпатской котловины следует отметить, что большинство встречено в междуречье рек Кёрёш, Марош и Тиссы, то есть в юго-восточной части Венгрии. Один экземпляр был обнаружен на запад от Дуная, а другой – в Верхнем Потисье (рис.2, 2). В целом же погребальный инвентарь указанных погребений не отличается от других комплексов этой эпохи. Однако с точки зрения погребального обряда вышеупомянутое захоронение из Сентеша, Дерекедьхази-олдал имеет и несколько характерных отличий. Захоронение частей лошади на запялке могильной

ямы (рис.3, 1, 3, 4) впервые встречено в материале Карпатской котловины X-XI вв. Этот тип захоронения коня вместе с центральными фронтальными накладками часто встречается на территории бывшего Хазарского каганата в материалах печенегов и торков (огузов)¹⁷.

Соотношение раннесредневековых восточноевропейских накладок лука с накладками лука Карпатской котловины в контексте новых находок

Терминология и возможность изучения раннесредневековых луков

В российской и украинской археологии растет интерес к раннесредневековым накладкам луков (Худяков Ю.С., 1986; Плетнева С.А., 1990, с.45-46; Измайлов И.Л., 1998; Круглов Е.В., 2003; 2004; 2005а; 2005б; 2007; Глебов В.П., Иванов А.А., 2007). Однако в этих работах мы не нашли единой и последовательной терминологии¹⁸. Поэтому первоочередной нашей задачей было создание единой терминологии на венгерском языке с опорой на современные монгольские термины (Kun P., 2006, с.157-159; Varga F., 2006, с.194-196).

Лук состоит из двух "самостоятельных" частей, соединенных друг с другом, – *корпуса* и *тетивы* (*струны*). Корпус *сложносоставного* (*рефлексного*) лука с *твердыми* *роговидными* *концами* (предположительно, средневековые венгры имели именно такие луки) включает пять частей, соединенных в единую конструкцию. Это: 1) *рукоять* (на середине корпуса лука); 2) *изогнутые роговидные концы* (часть лука для изгиба и натяжения); 3) *твердые роговидные концы* (на обоих концах лука, на них находятся маленькие прорези для тетивы). На эти три жесткие, несгибающиеся части раннесредневекового лука (рукоять и два твердых конца) крепились роговые или костяные пластины с насечками, т.е. центральные или концевые боковые пластины. А предметы, имеющие конструкцию не

пластин, а накладок, мы называем центральными фронтальными и концевыми фронтальными накладками. Основное морфологическое отличие между пластинами и накладками лука состоит в форме сечения предметов. В то время как сечение пластин лука дуговидное, сечение накладки имеет вид узкого неправильного четырехугольника. Таким образом, разница проявляется не в размере, а в форме.

По нашему мнению, луки, обнаруженные в Карпатской котловине, невозможно в полной мере изучить с помощью археологических методов. Поскольку самыми важными и необходимыми, с точки зрения функционирования, составными частями луков являются *детали из органических веществ*, это означает, что они *определяют* конструкцию, функционирование и эффективность лука. Из-за условий почвы и климата Карпатской котловины именно подобные органические вещества не сохраняются или сохраняются только в исключительных случаях. До сих пор не известны остатки органических материалов ни одного лука какой-либо из археологических эпох, найденного в Карпатской котловине. Лишь только пластины и накладки твердых частей луков более или менее сохранились в земле в целости, а значит, они доступны для изучения. Однако их исследование не обязательно приближает нас к истинному представлению о луке. Более того, применение пластин и накладок *не является исключительным условием* функционирования лука.

В то же время ситуация в Восточной Европе и в Азии несколько иная. Здесь встречаются луки, которые сохранились более или менее полностью¹⁹. Однако небольшое количество сохранившихся луков и значительно отличающиеся друг от друга по качеству и характеру информация и выводы, сделанные при анализе пластин и накладок луков, требуют чрезвычайной осторожности²⁰ не только при оценке археологического материала из Карпатской котловины, но и при оценке восточноевропейских параллелей. В свете этого мы считаем необоснованными такие термины как *"древневенгерский*,

¹⁷ Этот элемент погребального обряда часто встречается в захоронениях салтово-маяцкой археологической культуры VIII-X вв. (Аксенов В.С., Тортика А.А., 2001) и в материале поздних кочевников (Атавин А.Г., 1984).

¹⁸ Мы искали уже используемую русскую терминологию для нашей статьи, в первую очередь, на основе работы Е.В.Круглова (2007, с.54-64). Англосаксонскую терминологию см.: Coulston, J.C., 1985, с. 223-224, рис.1.

¹⁹ Речь идет о луках из Мошевой Балки (Милованов Е., Иерусалимская А.А., 1976; Ierusalimskaja A.A., 1996, с.107-109, 223-224, рис.133-135), Гогопеа (Arendt V.V., 1935, рис.25; Савин А.М., Семенов А.И., 1992), Беш-Таш Короо к.5 в Киргизстане (Табалдиев К.Ш., 1996, с.48) и Новгорода (Медведев А.Ф., 1959; Артёмьев А.Р., Гайдуков П.Г., 1992).

²⁰ Ясное всех иллюстрирует эту проблему витрина выставки "Attila und die Hunnen", проведенной в 2007 г в г.Шпеере, Германия, в которой два лука, покрытые пластинами, лежали друг возле друга в ненатянутом положении. Один из них был сложносоставной, т.е. рефлексный (Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Германия), а другой нет (по реконструкции К.Ш.Табалдиева, Бишкек, Киргизстан). Несмотря на их относительное сходство по форме и положению, луки по своим основным физическим свойствам значительно отличались друг от друга.

торкский, хазарский, гунский, болгарский тип лука” только на основании археологических находок луков²¹. Именно поэтому мы не можем говорить в этой статье о сходстве или различии “древненевенгерских” и “восточных” типов лука, а только лишь о сходстве или различии формы пластин и накладок и их расположении на корпусе лука.

Пластины и накладки на концевых частях лука

По отношению к концевым боковым пластинам следует обратить внимание на следующее: экземпляры IX-XI вв., соответствующие форме предметов Карпатской котловины, встречаются к востоку от нее лишь в небольших количествах (рис.8, 1) (Круглов Е.В., 2005а, рис.1). Среди них мы можем упомянуть, например, концевые боковые пластины из кургана 2 Усть-Каменки и из кургана 10 Шестовицкого могильника (Блѣфельд Д.Л., 1977, с.176, табл. XXXI, 9-11; Медведев А.Ф., 1966, с.38, табл.5), а также один экземпляр из Саркела – Белой Вежи (Флѣрова В.Е., 2001, рис.7, 6). Пластины из Усть-Каменки близки пластинам Карпатской котловины не только по форме, но и по декору. Мотивы декора, покрывающего полностью поверхность пластины, состоят из линий, соединяющих двойные точечные круги. Одной из ближайших аналогий являются боковые пластины из погребения 145 могильника Хайдусобосло-Аркошхалом (рис.9, 3) (Nepreg I., 2002, с.79, рис.48, табл.68, 71). Элементы декора экземпляра из Хайдусобосло-Аркошхалом (Hajdúszoboszló-Arkoshalm) (рис.9, 3) близки мотиву орнамента концевых боковых пластин, обнаруженных в 1982 г в могиле 3 (разведочная траншея IX) на территории станции скорой помощи (Stătia de Salvare) в г.Дюлафехерваре (рис.9, 5) (Ciugudean H., 2006, с.12-18; Blăjan M., 2006, с.26, 32, 111; Gáll E., 2007, с.401, табл.1.A). Концевые боковые пластины из могилы 248 могильника Хайдусобосло-Аркошхалом являются только дальними параллелями пластины из Усть-Каменки по наличию покрывающего всю поверхность декора и типу его мотива. На одной из пластин можно видеть мотив, состоящий из точечных кругов, но последние выступают лишь в качестве “постороннего” элемента, вклинивающегося в систему, состоящую из зигзагообразных линий (рис.9, 4) (Nepreg I., 2002, с.98-99, рис.60, табл.102-103). Естественно, признаком, указывающим на предположительную связь между пласти-

нами, мы считаем не наличие отдельного мотива из точечных кругов²², а декор, покрывающий всю поверхность пластин и образующий единую структуру (цепь). Обращаем внимание на подобный декор только потому, что он очень редко встречается как в археологических материалах Карпатской котловины, так и в материалах Восточной Европы.

Кроме малочисленной группы концевых боковых пластин, которые по форме близки пластинам Карпатской котловины, необходимо обратить внимание на другой восточноевропейский тип концевых боковых пластин. Они (эти пластины) похожи на концевые боковые пластины Карпатской котловины, которые были разделены пополам примерно в середине пластины или ближе к прорези для тетивы таким образом, что пластина выглядит приплюснутой, а не продолговатой. Такие пластины можно найти, например, в материалах Саркела (Медведев А.Ф., 1966, табл.4, 11; Флѣрова В.Е., 2001, рис.7, 5; 8, 10) и могильника кочевников, располагающегося вокруг него (Плетнева С.А., 1963, рис.18, 5). Они встречаются и в других памятниках Восточной Европы (Медведев А.Ф., 1966, табл.4, 12, 13) (рис.9, 7, 8), но их очень мало. Важно еще отметить, что российские и украинские археологи не считают их самостоятельным типом. Без детального анализа предметов мы также не можем считать их самостоятельным типом, поскольку они могут оказаться фрагментами концевых боковых пластин типа Карпатской котловины (например, рис.9, 9).

В дальнейшем, не рассматривая форму концевых боковых пластин, проанализируем некоторые их детали и признаки в восточноевропейских материалах. Речь идет о насечках на внешней (направленной в сторону цели) стороне концевых пластин и формировании так называемых “головок”, встречающихся в большинстве случаев вместе с ними в Карпатской котловине (рис.7, 1, 3). Этот признак является главной характеристикой так называемого “лука хазарского типа”, по типологии восточноевропейских луков, разработанной А.М.Савиным и А.И.Семеновым, он присутствует также в определенной форме и на концах так называемых “луков салтовского типа” (рис.8, 2). Однако последний тип лука, имеющий внешнюю фронтальную накладку, покрывающую только верхний участок концевой части лука, уже в значительной мере отличается от концевых пластин луков Карпатской котловины. Здесь мы не станем останавливаться на проблематике насечек внешней стороны накладок и фор-

²¹ Подобную тенденцию мы видим в новейшей российской археологической литературе, где, например, вместо термина “торко-хазарский лук” пользуются термином “лук, изготовленный торко-хазарской технологией” (Круглов Е.В., 2007, с.60-61).

²² Так как мотивы из точечного круга являются общераспространенными среди декора на предметах из рога или кости X-XI вв., найденных в Карпатской котловине.

мирования "головки" лука. Мы всего лишь хотим указать на то, что сходство в таком формировании может говорить об одинаковом функциональном происхождении: концевые части луков (а значит, косвенно пластины и накладки лука) могли создаваться с одной и той же целью. В то же время морфологическое сходство в отношении функции не обязательно должно означать какую-либо связь между археологией и историей оружия. Из четырех выше упомянутых концевых пластин из Усть-Каменки (Медведев А.Ф., 1966, табл.5, 1, 2) интересны две пластины из-за своеобразной формы их дуг (у концевой части имеется двойной наклон, а концовка прямая). Эта форма дуги полностью совпадает с формой дуги концевой пластины из погребения 114 могильника у с.Шандорфалва (рис.9, 6) (Fodor I., 1985, с.23, рис.3, 5). Однако этот морфологический признак пока единственный в Карпатской котловине, поскольку наблюдается только на пластине из Шандорфалва.

При абстрагировании от формы отдельных пластин и сосредоточении внимания на их позиции на концах лука заметно характерное отсутствие аналогий. Хотя на конструкцию концевых пластин указывают характер сечения и наличие насечек-штриховок, самыми информативными являются концевые пластины, обнаруженные *in situ* (и сделанные с них фотографии). Очень информативны также концевые пластины с заклепками. Однако количество концевых пластин X-XI вв. в Карпатской котловине очень мало²³, и, к сожалению, от них сохранились лишь обломки и фрагменты (рис.9, 10). А что касается конца лука из погребения 5 могильника Сарваша, Велки-халом, нам повезло, так как эту часть лука без заклепок И.Диенеш зафиксировал и сохранил *in situ*. Он пишет: "Конец лука в этом случае – в отличие от привычного – был покрыт тремя пластинами из кости, этот интересный экспонат мы сохранили в оригинальной позиции,

пропитав его парафином. Между двумя привычными пластинами была вложена и третья пластина из кости, сужавшаяся в сторону своего конца... Край костяной пластины, начиная с полукруглой прорези для тетивы, отсутствует" (Инвентарная книга ... 1962, с.60-61). Таким образом, внешние края пластины с прорезью для тетивы, кромки которых повернуты друг к другу (рис.10, 1), образуют открытую конструкцию вовнутрь, в направлении лучника. Все это покрывает третья, длинная пластина в форме равнобедренного треугольника, без прорези для тетивы (рис.10, 3). Важно, что форма двух боковых пластин с прорезью по существу не отличается от других концевых боковых пластин X-XI вв. Карпатской котловины (рис.10, 2). Это означает, что из каждой концевой боковой пластины, обнаруженной в Карпатской котловине (без использования треугольной накладки внутренней стороны), можно создать модель, которую мы называем конструкцией концевой части с треугольным поперечным сечением (рис.10, 4)²⁴.

Эта модель для нас очень важна, поскольку для восточноевропейских "хазарских" и "салтовских" типов луков, относящихся примерно к одним хронологическим рамкам, также характерно треугольное сечение, и довольно часто встречаются треугольные концевые тыльные фронтальные пластины без прорези для тетивы (рис.8, 1, 2).

Однако конструкция с тремя концевыми боковыми пластинами и треугольным сечением, совпадающая с экземпляром из г.Сарваша, до сих пор еще не найдена в погребениях X-XI вв. Карпатской котловины. Таким образом, мы считаем ее только единичным явлением. Фотография концевых боковых пластин *in situ* из погребения 385 Вёрша-Майора (рис.10, 5, 6) указывает на большую распространенность в Карпатской котловине концевой части с треугольным сечением, чем это было известно ранее (Költő L., Horváth P., 2004, рис.3, 4). Более того,

²³ Хотя концевые боковые пластины с заклепками встречаются в разных регионах Евразии, для эпохи раннего средневековья они везде довольно редкое явление. Пластины с заклепками известны в могильнике Узунгал на Алтае (ранний период Тюркского каганата, VI-VII вв.), в Восточной Европе, например, в могильнике Брусьяны-IV, Сидоры (VIII в.) (Круглов Е.В., 2005а, с.54-55). В Карпатской котловине в эпоху аваров заклепки играли функциональную роль в конструкции концевой части лука, однако в материалах X-XI вв. их можно считать результатом починки.

²⁴ Ни одна из выше упомянутых "реконструкций древневенгерского лука" не имеет такой конструкции концевой части. По реконструкции К.Ч.Шебештена, концевая часть (рога) кибити внизу пирамидальная, с прямоугольной подошвой, которая достигает приблизительно половины концевых боковых пластин. Последние лишь прислоняются к двум плоскостям пирамидального конца кибити, а далее плотно прилегают друг к другу. Реконструкция лука, сделанные Д.Фабьяном, Г.Сёллэши и Б.Кишш, отличаются от предыдущей модели с фрагментарной концевой частью кибити тем, что в этом случае пластины не лежат друг на друге, а только соприкасаются или не соприкасаются в вершине, но, во всяком случае, образуют плотно соприкасающиеся друг с другом плоскости. В то же время "реконструкции", которые продаются в спортивных магазинах, имеют более или менее прямоугольные концевые части, а это означает, что концевые боковые пластины у них параллельные. Поразительно то, что из трех реконструированных моделей именно последняя подтверждается археологическими находками: см. фотографию *in situ* могилы 128 Хайдусобосло-Аркошхалом (Nepes I., 2002, с.47, рис.), а также концевую часть, найденную *in situ* в погребении 18 могильника I Кенезле-Фазекашзуг в 1913 г (Jósa A., 1914, с.327-328, табл.XL).

в Карпатской котловине конструкция концевой части, имеющей треугольное сечение, неоднозначно сочетается с общеизвестной в восточноевропейских материалах третьей (покрывающей концевую часть сзади) треугольной концевой тыльной фронтальной пластиной. Несмотря на то, что пластины *подобной* формы известны в нескольких захоронениях Карпатской котловины: погр.7 из Икервара, Вираг-утца (Kiss G., 2000, табл.10); погр.80 из Шарретудвари-Хизофёлд (Nepper L., 2002, рис.246); Липова Ондрохов (Словакия), погр.4 (IV) (рис.11, 1-3) (Тоџик А., 1968, Taf.XXII)²⁵, все они обнаружены без концевой боковой пластины с прорезью для тетивы.

Необходимо отметить, что Е.В.Круглов, опираясь на находки из неразрушенных погребений, считает упомянутое явление самостоятельным типом лука (например, Таловый-II, к.3, п.1). Эти луки, по его мнению, – один из промежуточных вариантов “тюрко-хазарского” (точнее, “раннехазарского”) типа луков I-й четв.VIII в. (Круглов Е.В., 2007, с.64)²⁶.

В заключение анализа концевых боковых пластин остановимся на находке из могилы 63 могильника Ходмезёвашархея-Надъсигет. Две концевые фронтальные накладки из этого погребения (рис.11, 5, 6) являются единственными в Карпатской котловине по обработке, морфологии и позиции на конце лука (рис.11, 7). Они имеют только одну аналогию из погребения на станции скорой помощи Дюлафехервара (Альба Юлия, Румыния) (Ciugudean H., 2006, с.12-18; Blăjan M., 2006, с.26, 32, 120). Судя по фотографии находок указанного захоронения (рис.11, 4), две концевые фронтальные наклейки совпадают с концевыми накладками погребения 63 Ходмезёвашархея-Надъсигет по их основному морфологическим признакам и по их положению на концевой части лука. В поисках восточноевропейских аналогий археологи, опубликовавшие находки из Ходмезёвашархея-Надъсигет, Каталин Надь и Ласло Ревес подчеркнули, что даже “после самого тщательного изучения археологической литературы не смогли найти точных параллелей концевым фронтальным накладкам. Однако мы обнаружили такие явления, которые

могут быть связаны с методом изготовления твердого роговидного конца лука из Ходмезёвашархея-Надъсигет” (Nagy K., Révész L., 1986, с.125). Авторы ссылались на аналогии, которые были включены российскими археологами (И.Л.Измайлов, Е.В.Круглов, А.М.Савин, А.И.Семенов) в группу “луков салтовского типа” (рис.8, 3, 11). Фактически концевые фронтальные наклейки из Ходмезёвашархея-Надъсигет и станции скорой помощи Дюлафехервара по их фронтальному положению и дощечкообразной форме сходны с луками “салтовского типа”. Однако в последних центральные фронтальные наклейки очень короткие. Их нижняя часть имеет насечки, аналогичные насечкам хазарского типа на внешней стороне наклейки, для них также характерна выступающая “головка”. Более того, внутренняя сторона концевой части кибита покрыта (уже много раз упомянутой) треугольной концевой тыльной пластиной. А эти признаки совершенно нетипичны для концевых фронтальных накладок из Ходмезёвашархея-Надъсигет и погребения станции скорой помощи Дюлафехервара. Поскольку вышеупомянутые признаки являются более важными с точки зрения конструкции, чем фронтальное положение концевых фронтальных накладок, нельзя, на наш взгляд, рассчитывать на тесную связь между двумя этими группами. Мы не ставим здесь задачу нового анализа накладок, а лишь хотим обратить внимание на то, что в течение двадцати лет с момента опубликования в восточноевропейских материалах не удалось найти точных аналогий находкам из Ходмезёвашархея-Надъсигет. Мы знаем всего лишь о двух концевых фронтальных накладках, происходящих из погребений 1 и 2 могильника Золотая Нива (Измайлов И.Л., 1998, рис.4, 5, 7), которые соответствуют всем критериям формы, но, к сожалению, они фрагментарны. Что касается целой концевой части, то здесь также имеются значительные различия. Фронтально-тыльная часть концевой части лука (обращенная в сторону лучника) также покрыта пластиной. Своеобразной иллюстрацией отсутствия таких фронтально-тыльных накладок в Восточной Европе является то, что археолог, исследовавший упомянутую гарнитуру, анализируя наклейки с территории Средней Вол-

²⁵ По нашему мнению, концевые тыльные фронтальные пластины на концевой части (рога) кибита, по всей вероятности, ослабляли удар на концевую часть лука от отбивающей тетивы после выстрела. Возможно, полировка поверхности также играла в этом роль (таким образом шадил тетиву). Наверное, такой практической причиной можно объяснить тот факт, что в креплении концевых частей лука эта деталь присутствует иногда и в таких случаях, когда концевых боковых пластин уже нет (Круглов Е.В., 2007, с.64).

²⁶ В то же время В.П.Глебов и А.А.Иванов датировали могильник Таловый-II более поздней датой (кон.VII – нач.IX в.), чем одно из позднейших погребений соколовского типа (Глебов В.П., Иванов А.А., 2007, с.165; 355). По их мнению, центральные фронтальные наклейки в хазарскую эпоху были уже архаичными, и их наличие в поздних погребениях указывает на то, что нельзя считать эволюцию луков прямолинейной. Это было параллельным развитием отдельных типов, и различия несут, скорее всего, этнографический, а не хронологический характер (Глебов В.П., Иванов А.А., 2007, с.163).

ги и Нижней Камы, называл накладки из Золотой Нивы "венгерским" типом (Измайлов И.Л., 1998, с.247-249, рис.1). В большей мере этот термин²⁷ заслуживают общераспространенные "луки" (об этом ниже) с центральными боковыми пластинами и без концевых боковых пластин, которые считаются абсолютными аналогиями по форме из-за их широкой распространенности в Карпатской котловине в X-XI вв.

Подводя итоги исследования связей между концевыми пластинами и накладками Карпатской котловины и пластинами и накладками, встречающимися к востоку от нее, отметим, что точные и полные совпадения формы встречаются очень редко (1-2 случая). Кроме того, общераспространенные в Карпатской котловине формы иногда встречаются и среди восточноевропейских материалов. Из последних только один предмет, декор которого уникален и для восточных материалов, имел какую-то связь с отечественными венгерскими находками. Среди анализируемых морфологических признаков нам удалось найти только один (насечки на внешней стороне и головка), который мог бы указывать на какую-то связь. Однако мы считаем, что он, в первую очередь, несет функциональный характер. Это подтверждается тем, что этот сложный признак не является исключительным в восточноевропейских материалах для определения типа. В отношении концевой конструкции нам, возможно, удалось показать самую важную связь, хотя пока мы имеем только отдельные, изолированные примеры. Ситуация наверняка будет улучшаться, поскольку причиной возникшей проблемы являются небольшое количество источников и недостатки документирования венгерских археологических раскопок. К этому добавим своеобразный погребальный обряд²⁸. А два гарнитура концевых фронтальных накладок до сих пор не имеют аналогий в Восточной Европе.

В заключение наших размышлений о концевых боковых пластинах подчеркнем, что нескольких точных или близких аналогий, к сожалению,

недостаточно для того, чтобы делать любые выводы о связях луков X-XI вв. Карпатской котловины и восточноевропейских луков той эпохи. Однако следует отметить, что при исследовании связи центральных боковых пластин и центральных фронтальных накладок указанных регионов сложилась совершенно другая ситуация.

Центральные боковые пластины и центральные фронтальные накладки

Что касается восточноевропейских аналогий центральному боковому пластинам, кроме нескольких определений С.А.Плетневой и В.Е.Флёровой (Плетнева С.А., 1990, с.46-48; Флёрова В.Е., 2001, с.45-46), можно опираться в основном на работы Е.В.Круглова и статью И.Л.Измайлова, которая цитировалась выше (Измайлов И.Л., 1998). И.Л.Измайлов сделал обзор пластин лука Поволжья и Нижнего Прикамья. Отойдя во многом от классификации А.М.Савина и А.И.Семенова, автор выделил новые типы луков, среди них и так называемый лук "тюркского" типа (рис.8, 2). Исследователь на основании находок в отдельных погребениях только центральных боковых пластин²⁹ лука сделал заключение, что это – детали лука "тюркского" типа. Он собрал 16 подобных погребений из Среднего Поволжья (Большие Тарханы, Большие Тиганы, Танкеевка и т.д.), но, к сожалению, не подверг их подробному анализу. Эти центральные боковые пластины являются великолепными аналогиями соответствующему материалу из Карпатской котловины не только с точки зрения формы, но и в отношении их присутствия в могиле попарно, без концевых боковых пластин. В то же время на территории Евразии известны случаи, когда в неразрушенных погребениях центральные боковые пластины встречаются самостоятельно, по одной³⁰, что указывает на их связь с Карпатской котловиной.

Восточноевропейские центральные боковые пластины, которые имеют тесную связь с пласти-

²⁷ Из 280 погребений X-XI вв. Карпатской котловины, в которых находились пластины и накладки луков, этот тип встречается только в двух случаях.

²⁸ Речь идет о распространенном обряде помещения в могильную яму как целых, так и поломанных луков (см. также Szöllösy G., 2007; Biró Á., в печати; 2007). Обряд порчи погребального инвентаря встречается и по отношению к другим категориям предметов (László Gy., 1943, с.59-60; Tettamanti S., 1975, с.109-110). Е.В.Круглов убедительно доказал обычай порчи луков для погребений хазарского времени в Восточной Европе (Круглов Е.В., 2005а, рис.35).

²⁹ В восточноевропейских материалах IX-X вв. отсутствие концевых боковых пластин является характерным признаком и для других территорий (Плетнева С.А., 1990, с.45-46), в VIII в. даже началось их "исчезновение" (Круглов Е.В., 2007, с.60-61).

³⁰ Они известны в Южном Приуралье – грунтовой могильник Маняжский-1, п.1 (Мажитов Н.А., 1981, рис.2), в материалах Соколовской балки и салтовской культуры – Сухогомольшанский могильник, п.252 (Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006, рис.63, 6), в погребениях курганного могильника Саркела – Белой Вежи – к.3. 60, насыпь 18 (Плетнева С.А., 1990, рис.16, 25; Флёрова В.Е., 2001, рис.16). К востоку от Волги встречаются, например, в материале, связанном с кимеками (Худяков Ю.С., 1986, с.181-183).

нами X-XI вв. Карпатской котловины³¹, известны с кон. VIII в. и бытуют вплоть до кон. XII в. (например, Казанка) (Макарова Т.Н., Плетнева С.А., 2003, табл. 49, 26). Они встречены не только в Поволжье и Нижнем Прикамье, но и в погребениях у Саркела – Белой Вежи (Плетнева С.А., 1963, рис. 18, 1). Кроме того, подобные центральные боковые пластины известны и в других регионах, таких, например, как Верхнее и Нижнее Подонье (Гарустович Г.П., Иванов В.А., 2001, рис. 19), верхнее течение Северского Донца (Сухая Гомольша, п. 252) (Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006, рис. 63, 6), а также в ранне-средневековой Тмутаракани и даже в Шестовицком могильнике (Блифельд Д.Л., 1977, с. 176, табл. XXXI, 9-11). Таким образом, указанная особенность материала Карпатской котловины находится в русле тенденции, характерной для луков ранне-средневековой Евразии.

Незначительность информации, извлекаемой исследователями при изучении лука, ее недостаточность и возможность разнообразной интерпретации и реконструкции луков хорошо отражает гипотеза о луке тюркского типа И.Л.Измайлова, который опирался на результаты своих предшественников (например, Худяков Ю.С., 1986). Исходя из помещения в могилу целого лука, И.Л.Измайлов объясняет отсутствие пластин на конечных частях лука стремлением уменьшить твердую и увеличить гибкую часть лука (Измайлов И.Л., 1998, с. 245, 247). То есть лук “тюркского” типа имел гибкую концевую часть (а не твердую) как продолжение изогнутых роговидных концов³².

Данная проблема в значительной мере касается и пластин луков Карпатской котловины: центральные боковые пластины лука “тюркского” типа, как мы уже упоминали, совпадают по форме с подавляющим большинством центральных боковых пластин X-XI вв. Карпатской котловины. Среди погребений этой территории много таких, в которых встречается только одна центральная боковая пластина или пара таких пластин, но в них нет концевых боковых пластин. Из общего количества погребений с пластинами луков X-XI вв. Карпатской котловины в 43% неразрушенных погребений имелась лишь 1 центральная боковая пластина (12%) или 2 центральные боковые пластины (31%). По сравнению с погребениями, в которых имелась только концевая боковая пластина, это всего лишь 12%. Таким образом, эта особенность в погребениях Карпатской котловины, по сравнению с погребениями,

где имелись только концевые боковые пластины, однозначно является доминирующей. Однако их больше всего лишь на 7,3% (рис. 1, 5), чем погребений, в которых концевая боковая пластина сочеталась с центральной боковой пластиной.

Венгерские археологи, не разобравшись с указанной проблемой, объяснили это явление таким образом: если какая-нибудь пластина лука отсутствует в погребении, значит она была заменена пластиной из твердого дерева. Данное объяснение, хотя и не доказуемо, до сих пор существует в венгерской археологии и основывается на предположении, что эти луки имели твердые концевые части, поэтому на них не были прикреплены концевые боковые пластины из рога (László Gy., 1943, с. 46; Fodor I., 1985, с. 149-150). Однако, исходя из результатов исследования луков волжских болгар, мы не можем исключить возможность того, что эти луки не имели твердых роговидных концов, а были изогнутыми вплоть до прорезей для тетивы. Естественно, как первое, так и второе предположения мы не можем ни доказать, ни опровергнуть до тех пор, пока какая-нибудь счастливая находка не разрешит проблему. Следовательно, мы не можем без всяких условий согласиться и с предположением И.Л.Измайлова, так как отсутствие доказательства не является доказательством отсутствия. Другими словами, тот факт, что твердость конца лука не подтверждается археологически, не обязательно означает то, что он не был твердым.

В то же время, абстрагируясь от проблемы интерпретации, интересным совпадением выглядит обычай помещения центральных боковых пластин в могильную яму, существовавший как в Карпатской котловине, так и в Восточной Европе. Это совпадение можно наблюдать не только в погребальном обряде, но и в сходстве формы центральных боковых пластин. К тому же эти два упомянутых явления, по состоянию исследований на сегодняшний день, зафиксированы именно на территории Восточной Европы (Мажитов Н.А., 1981, рис. 66, 75), что имеет особую важность для изучения истории венгров перед эпохой завоевания. Однако указанные явления до тех пор не могут быть использованы для обоснования каких-либо более серьезных предположений, пока не будут произведены детальное исследование хронологии и критический анализ погребальных обрядов восточноевропейских погребений, содержащих только центральные боковые пластины (нарушение могил, фрагментарность пластин лука и т. д.).

³¹ Центральные боковые пластины из погребения 6 Сентеш. Деркедьхази-олдал имеют совершенно точную аналогию в Саркеле – Белой Веже (Флёрова В.Е., 2001, рис. 9, 10). Кроме идентичности признаков по форме, они относятся к одним и тем же хронологическим рамкам.

³² На существование гибкой концевой части в нач. VIII в., в раннем периоде салтовской культуры, указал в своей обобщающей типологической таблице и Е.В.Круглов (2005а, рис. 89).

В связи с восточноевропейскими аналогиями центральных боковых пластин Карпатской котловины необходимо отметить центральные боковые пластины из погребения 60 могильника Кароша-Еперешсэг II (рис.7, 5) (Révész L., 1996a, с.30, рис.108, табл.97). Для археологических материалов Карпатской котловины, по крайней мере, по имеющимся на данный момент сведениям, эти пластины имеют нетипичное оформление: боковые грани соединяются в остроконечную вершину, направленная в сторону цели грань прямая, а концы с насечками совершенно отделены от части поверхности без насечек, собственно говоря, от рукоятки. Эти признаки встречаются не только на пластинах лука аварской эпохи, как писал Ласло Ревес (Révész L., 1996a, с.153-154), но и на пластинах так называемых луков “хазарского” и “салтовского” типов, по классификации восточноевропейских “луков”, разработанной А.М.Савиным и А.И.Семеновым (например, Боротал, Монгун Тайга)³³. В недавно опубликованном материале хазарского времени (Глебов П.В., Иванов А.А., 2007) для пластин из Кароша мы нашли еще одну аналогию. В Карпатской котловине эта особенность встречается редко. Из п.1 к.3 курганной группы Таловый-II нам известна центральная боковая пластина, у которой имеется насечка как вдоль задней стороны на обоих концах пластины, так и на поверхности (Глебов В.П., Иванов А.А., 2007, рис.6).

Каковы же восточноевропейские связи центральных тыльных фронтальных накладок лука? Центральные фронтальные накладки с трапецевидным сечением имеют точные аналогии на территории всей Евразии. Здесь мы не хотим детализировать костяные накладки аварской эпохи Карпатской котловины, которые конструктивно похожи на изделия X-XI вв., поскольку они имеют только опосредованные, отдаленные типологические связи с анализируемыми нами накладками³⁴. Точные восточные параллели центральным фронтальным накладкам луков венгров из Карпатской котловины X-XI вв. мы разделяем на две хронологические группы. В первую группу входят находки, датированные ранним периодом (VIII-IX вв.), а во вторую – находки X-XI вв.

Находки первой группы имеются в материалах Алтая VIII-IX вв. (рис.12, 1) (Овчинникова Б.Б., 1990, с.68-69, рис.35 тип 11, 7). Анализируя “луки уйгуров и кимеков”, Ю.С.Худяков подчеркнул присутствие центральных фронтальных накладок, которые в случае “луков кимеков” сочетаются с овальными центральными боковыми пластинами (Худяков Ю.С., 1986, с.181-182). Центральные (тыльные или передние) фронтальные накладки известны также в Средней Азии среди ранне-средневековых находок джетыясарской культуры (II-IX вв.), ареал которой находится в нижнем течении Сырдарьи (например, Алтынасар 4 д. к.190) (рис.12, 2) (Левина Л.М., 1996, с.284-286, рис.89-91), а также среди луков западных тюрок, выделенных Ю.С.Худяковым в группу 6 (Худяков Ю.С., 1986, с.141; Борисенко А.Ю. и др., 2006, с.74).

В современных исследованиях особое внимание уделяется обработке луков, датированных последним этапом первой хронологической группы, т.е. периодом кон.VIII – 2-й пол.IX в. В классификации луков “тюрко-хазарского” типа, разработанной Е.В.Кругловым, изучаемые центральные фронтальные накладки в группе “А” часто встречаются вместе с концевыми боковыми пластинами (например, Восточномалайский-II) подобно большинству случаев в Венгрии. А в группе “Б” (с короткими центральными боковыми накладками) они обычно встречаются без концевых боковых пластин (например, Жирноклеевский, захоронение коня в кургане 6: Круглов Е.В., 2007, рис.2) (рис.12, 3). Срединная тыльная фронтальная вкладка из к.27 Керчика (Гать-III) является одной из точных параллелей центральной фронтальной накладкой из Сентеша, хотя последняя имеет более узкое сечение (рис.12, 4) (Савин А.М., Семенов А.И., 1999, рис.52). Известны экземпляры луков “хазарского” типа, которые относятся к более позднему горизонту, например, из п.1 к.2 Обозного (740-770 гг) (рис.12, 5) (Комар О.В., Пиоро В.И., 1999, табл.2, 5), п.1 к.3 Талового-II (кон.VIII – нач.IX в.) (рис.12, 6) (Глебов В.П., Иванов А.А., 2007, с.165, 355). Сходство формы и конструкции венгерских накладок с центральными фронтальными накладками луков “хазарского” типа (расположение между цен-

³³ По поводу оценки этого момента мы должны отметить, что разработка классификации формы центральных боковых пластин Карпатской котловины X-XI вв. находится еще в начальной фазе. Поэтому опубликованная в данной статье точка зрения является только рабочей гипотезой. О числе, степени совпадений и т.д. пластин Карпатской котловины, которые близки форме пластины из Кароша, можно говорить только после окончания этого анализа.

³⁴ Мы хотели бы указать на резкое отличие (кроме большей длины и насечек на концах таких накладок) между этими накладками. В то время как накладки аварской эпохи сцеплялись с внешними гранями центральных боковых пластин (накладок), находки X-XI вв. Карпатской котловины (на основе трех сторон с насечками из четырех) располагались между ними (вкладыш). Это однозначно объясняется их бытованием в разные хронологические периоды. То же самое наблюдается в группе так называемых луков “тюрко-хазарского” (“раннехазарского”) и “хазарского” типов (Круглов Е.В., 2007, с.58).

тральными боковыми пластинами, относительно небольшая длина, соотношение их с центральными боковыми пластинами, наличие расширяющихся концов и т.д.), а также их хронология (2-я пол.VIII – 1-я пол.IX в.) позволяют сделать вывод, что находки в Карпатской котловине являются прямыми, непосредственными морфологическими и типологическими дериватами этих восточноевропейских накладок.

Вторую группу в основном составляют находки центральных фронтальных накладок из курганного могильника кочевников Саркела – Белой Вежи той же эпохи, что и наклейки Карпатской котловины (например, к.3, к.60³⁵, насыпь кургана 18) (Плетнева С.А., 1990, с.46-48) (рис.12, 7-9), а также находки из слоев городища (рис.12, 10) (Флёрова В.Е., 2001, рис.9). Наклейки, которые считаются наследием печенегов, в большинстве короткие. Одна из них с трапециевидным сечением и насечками на трех продольных сторонах (рис.12, 8) аналогична центральным фронтальным накладкам Карпатской котловины X-XI веков. К сожалению, мы имеем мало данных о расположении, насечках и т.д. накладок из Саркела – Белой Вежи³⁶. А между тем, группа аналогий из Саркела является важной для нас не только с точки зрения того, что помогла нам более точно датировать находки X в. (ср.: Флёрова В.Е., 2001, рис.2), но и потому, что российские и украинские археологи считают этот материал наследием печенегов и огузов (торков). С другой стороны, было бы грубой ошибкой интерпретировать центральные фронтальные наклейки X в. Карпатской котловины исключительно с помощью аналогий X в. из Саркела, так как анализируемый тип предмета был распространен в то время на более широких территориях.

В связи с этим мы, главным образом, можем отметить центральные фронтальные наклейки, обнаруженные к востоку от Волги: Старое Мусино, к.2 (рис.12, 11) (Садыкова М.Х., 1959, с.155-162, табл.3; Медведев А.Ф., 1966, с.36, табл.3); Аймырлыг-III, к.V-1; Аргалыкты-I, к.1, п.2 (Тува) (Овчинникова Б.Б., 1982, с.216); Капчалы-II, к.1 (рис.12, 12) (Худяков Ю.С., 1986, с.141, рис.62). Эти находки очень важны не только потому, что являются точными аналогиями материалов Карпатской котловины по форме, но и в связи с тем, что они были

обнаружены вместе с центральными боковыми пластинами, форма которых абсолютно аналогична центральному боковым пластинам Карпатской котловины X-XI вв. К тому же центральная фронтальная наклейка из Старого Мусина вместе со своими центральными боковыми пластинами, которые имеют специальные прорезы на боковой грани, позволяет более точно реконструировать саму рукоять лука. К сожалению, среди восточноевропейских раннесредневековых материалов только иногда встречаются хорошо документированные и опубликованные *in situ* погребения (рис.12, 6) (Таловый-II, к.3, п.1); (Глебов В.П., Иванов А.А., 2007, рис.6), опираясь на которые, можно было бы однозначно решить, располагались ли наклейки, найденные по одной, на фронтальной (направленной в сторону цели) стороне лука или на тыльной стороне, направленной в сторону лучника³⁷. Находки из Вёрша и Сентеша, Дерекедьхази-олдал дают возможность реконструировать тыльно-фронтальную позицию (рис.5, 3, 4), как и несколько данных хазарской эпохи, а также реконструкция Ю.С.Худякова (Худяков Ю.С., 1986, рис.63). К сожалению, обе грани центральных боковых пластин из Старого Мусина прямые, поэтому данная, в целом, удачная находка не пригодна для определения положения центральной фронтальной наклейки.

Таким образом, можно констатировать, что точные аналогии формы центральных фронтальных накладок Карпатской котловины X-XI вв. были распространены на всей территории Евразии в разные периоды. В новейшей типохронологии эволюции лука хазарского времени, разработанной Е.В.Кругловым, хорошо показано, что в VII-IX вв., с одной стороны, сократилась длина центральных фронтальных накладок, а с другой, изменилась их форма (Круглов Е.В., 2005, рис.35). Со временем, по мере упрощения отделки концевых частей центральных боковых пластин и центральных фронтальных накладок, они стали встречаться реже. Для материалов к востоку от Карпат они более характерны, чем для материалов венгров X-XI вв. Большая группа упомянутых выше аналогий центральных фронтальных накладок Карпатской котловины X-XI вв. не только относится к одному и тому же времени, но их форма, конструкция и функция полностью совпадают. Более того, центральные бо-

³⁵ Центральная фронтальная наклейка из к.60 является самой точной аналогией очень короткой наклейки из Ходмезевашархей-Сакалхага.

³⁶ С.А.Плетнева называет эти предметы фронтальными накладками, в связи с этим ясно только то, что они были прикреплены к боковой части рукояти.

³⁷ Среди восточноевропейских находок VIII в. (в первой хронологической группе) имеется несколько случаев, когда можно точно определить положение, так как средняя дуга одной стороны центральной боковой пластины имеет углубление, которое, по всей вероятности, служило сцеплением центральной наклейки (рис.12, 3) (например, х.Жириклевский, к.6) (Круглов Е.В., 2007, рис.2).

ковые пластины вместе с точными аналогиями их формы, известными в Карпатской котловине, были также обнаружены и в Восточной Европе. Таким образом, при анализе центральных фронтальных накладок мы сталкиваемся с такой же ситуацией, как и в предыдущем анализе центральных боковых пластин. Если восточноевропейские связи концевых боковых пластин Карпатской котловины характеризуются, главным образом, их отсутствием или неопределенностью³⁸, то центральные боковые пластины и центральные фронтальные накладки Карпатской котловины имеют более тесные восточноевропейские связи. Необходимо иметь в виду и то, что параллельно могло существовать несколько разных типов луков. Кроме того, мы полагаем, что в Карпатской котловине существовал такой погребальный обряд, когда в захоронение не клали отдельные пластины лука и сам лук (рис. 1, 4). Независимо от этого необходимо проанализировать предположение о том, что в Карпатской котловине параллельно могли сосуществовать как полнокомплектные, так и частичнокомплектные луки, что показал Е.В.Круглов на примере луков "тюрко-хазарского" типа (Круглов Е.В., 2007, с.60-61). Все это, возможно, заслуживает в будущем отдельных исследований.

Карпатская котловина и Восточная Европа

При интерпретации параллелей и аналогий археологического наследия венгров, переселившихся в Карпатскую котловину в 895 г. и восточноевропейских находок VIII-X вв. возникла чрезвычайно важная интерпретационно-теоретическая полемика (Bóna I., 1979; Bálint Cs., 1994, 1996; Révész L., 1998; Fodor I., 2006; Sindbæk S. M., 1999). Одни из оппонентов полемики считают, что аналогии, наблюдаемые в археологических материалах этих двух территорий, являются этническими маркерами (Schulze-Dörlamm M., 1991; Mesterházy K., 1991; 1994; Fodor I., 1994; 2006), в то время как другие оппоненты относятся к этому критически (Bóna I., 1979; Bálint Cs., 1994, 1996; Révész L., 1998; Sindbæk S. M., 1999).

Сторонники одного из направлений стремились выделить самый ранний хронологический горизонт материала венгров-завоевателей X в., то

есть найти остатки материальной культуры так называемого первого поколения на основе находок "древневенгерского" типа из Восточной Европы. Эта концепция опирается на архаичные предметы, которые были изготовлены еще в Восточной Европе (к востоку от Карпатской котловины) и принесены в Карпатскую котловину венграми-завоевателями. Большинство исследователей считает, что эти предметы были захоронены вместе с умершими относительно быстро – после 895 г. (Schulze-Dörlamm M., 1991; Mesterházy K., 1991; 1994; Fodor I., 1994; 2006). Однако в свете новых исследований эту группу находок уже нельзя однозначно отнести к нач.X в. Нередко они датируются не ранее чем сер. – 2-я пол.X в. (Révész L., 1998). Подобную хронологическую коррекцию можно наблюдать и в связи со многими находками на территории России, которые считаются аналогиями находок Карпатской котловины³⁹. Именно поэтому нельзя однозначно опираться на данный восточноевропейский материал, кажущийся "венгерским", а также на релятивную хронологию материалов венгров X в. Карпатской котловины.

Сторонники другого направления сделали попытку определить территорию проживания венгров в восточноевропейской степи до их переселения в Карпатскую котловину на основании восточноевропейских аналогий, датированных периодом до X в. (например, Fodor I., 1982). Участники этой полемики понимают, что восточноевропейский материал, связанный с венграми VIII-IX вв., слишком малочисленный, чтобы исторически точно реконструировать и определить "прародину" венгров, живших в Восточной Европе. Интенсивные восточноевропейские археологические исследования последних десятилетий однозначно показали, что отсутствие восточноевропейских элементов и образцов в материалах венгров-завоевателей X в. не связано с недостаточной публикацией восточноевропейских материалов. В то же время необходимо отметить, что исследования восточных элементов в материалах Карпатской котловины X в. за последние пятнадцать лет проводились в Венгрии не достаточно активно. По крайней мере, это касается методологического обзора нового восточноевропейского материала и, в первую очередь, хронологии и обстоятельств обнаружения этих аналогий. Мы считаем, что в отношении восточных связей пластин и на-

³⁸ Карта находок, приведенная в последнем обзоре восточноевропейских центральных боковых пластин и центральных фронтальных накладок, датирующихся сер.VII – нач.IX в., также является "доказательством" этого "отсутствия" (Круглов Е.В., 2005а, рис.1). Естественно, мы еще раз подчеркиваем, что будущее подробное исследование пластин и накладок восточных луков IX-X вв. может изменить существующие знания по этой теме.

³⁹ Одним из самых ярких примеров является бляха сумки, найденной у с.Веселовского, которая считается очень близкой бляхе из Тисабезеда. Однако веселовскую бляху, учитывая хронологию всего комплекса, нельзя датировать раньше 2-й пол.X в. (Leschinskaja N., 2003, с.33; Langó P. 2005, прим.965).

кладок луков X-XI вв. Карпатской котловины (из-за их противоречивого характера) наше мнение практически не отличается от интерпретации И.Боны и Ч.Балинта (Bóna I., 1979; Bálint Cs., 1994; 1996).

По мнению И.Боны и Ч.Балинта, культура народов (гуинов, аваров, венгров), переселившихся в Карпатскую котловину с востока, преобразовалась невероятно быстро. Поэтому поиски восточных связей в археологических материалах этих народов сталкиваются с многочисленными трудностями. Это совпадает с восточноевропейским распространением исследуемых нами типов пластин лука в Карпатской котловине, поскольку находки костяных деталей луков VIII-IX вв. на территории известных из нарративных источников Леведии и Этелкёз встречаются в единичных случаях, не фиксируя определенных районов распространения.

Однако археологический материал, аналогичный восточноевропейскому и находкам X в. Карпатской котловины, является безусловно важным даже безотносительно выше кратко описанных двух направлений венгерской археологии. Мы считаем, что исследование восточноевропейского материала в основном будет играть важную роль при обнаружении и интерпретации разветвленной системы евразийских связей материала X-XI вв. Карпатской котловины. Эта тенденция и использование данной интерпретационной модели доминируют в археологии раннего средневековья Западной и Северной Европы и будут наверняка присущи и для археологии Евразии. Так, например, для большого количества предметов и мотивов удалось найти близкие аналогии в Византии и на Балканах (например, Йотов В., 2004). Более того, считавшиеся ранее "древне-венгерскими" по происхождению типы предметов в последнее время интерпретируются только лишь как влияние культуры (например, сабли с накладками: Iotov V., 2008). Естественно, это не уменьшает значимости восточноевропейских археологических находок с "подозрением на венгерские" (Супруненко О.Б., Масвська С.В., 2007), а только обращает внимание на важность методологической обоснованности исследований. При изучении материалов X-XI вв. Карпатской котловины необходим более

комплексный подход, который не должен ограничиваться только восточным направлением, поиски необходимо проводить шире. В основном следует искать восточноевропейскую систему связей среди материалов более раннего времени (VIII-IX вв.) и датирующихся X-XI вв. Таким образом, мы можем получить картину той части материальной культуры, которую оставило множество восточноевропейских этносов в VIII-XI вв. Только так мы можем приблизиться и понять саму культурную среду до деталей.

Заключение

Подводя итоги, попытаемся ответить на вопрос: находятся ли в соответствии с теоретической системой археологические связи пластин и накладок лука X-XI вв. Карпатской котловины и Восточной Европы.

При анализе восточноевропейских связей пластин и накладок лука Карпатской котловины X-XI вв. мы пришли к настолько противоречивому результату, насколько отличаются две противоположные точки зрения вышеупомянутой полемики. С одной стороны (в свете нынешних знаний), концевые боковые пластины и два гарнитура концевой передней фронтальной накладки X-XI вв. Карпатской котловины до сих пор не имеют точных аналогий формы в восточноевропейских археологических материалах, или же их число совсем незначительное, а с другой стороны, мы нашли совершенно точные аналогии формы центральных боковых пластин и центральных фронтальных накладок.

Мы считаем, что, хотя выделение центральных фронтальных накладок дало новую точку связи при сопоставлении материалов X-XI вв. Карпатской котловины с восточноевропейскими находками этого же периода, по отношению к комплектному гарнитуру пластин лука отсутствие, главным образом, точных совпадений и детального исследования восточноевропейского материала пластин и накладок лука IX-X вв. пока не дает веских оснований для определения происхождения и точной типологической связи лука средневековых венгров⁴⁰.

⁴⁰ Приносим благодарность за помощь в работе и ценные замечания А.В.Комару, Е.В.Круглову, А.В.Евглевскому, за перевод – Саболчу Полгару, Т.М.Потемкиной, за фотографии находки из Сентеше – Фанни Денешу, за рисунки конструкций – Тибору Маргону.

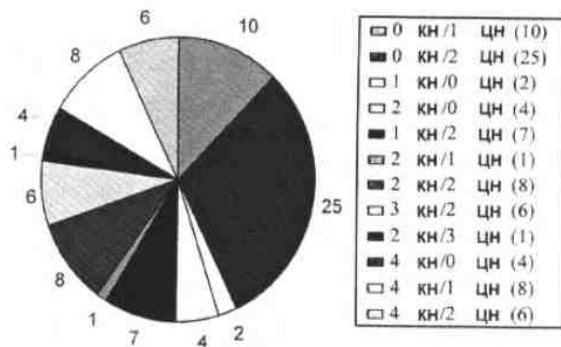
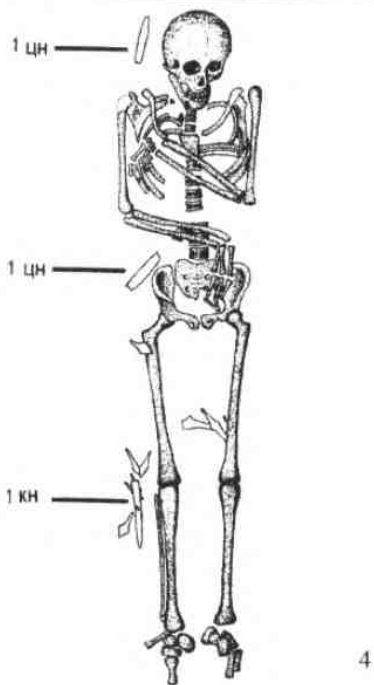
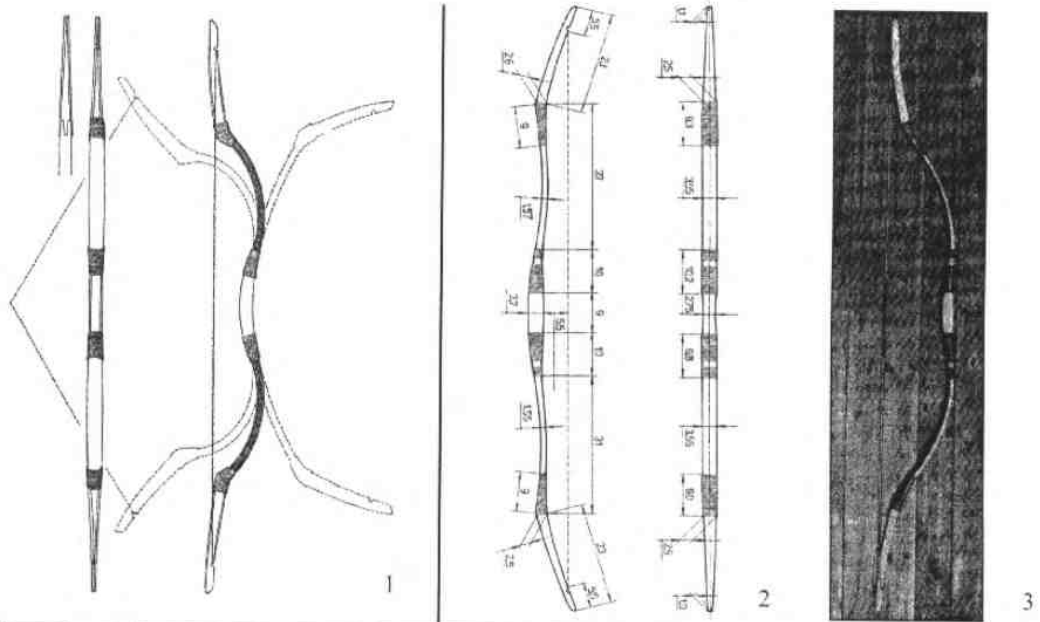
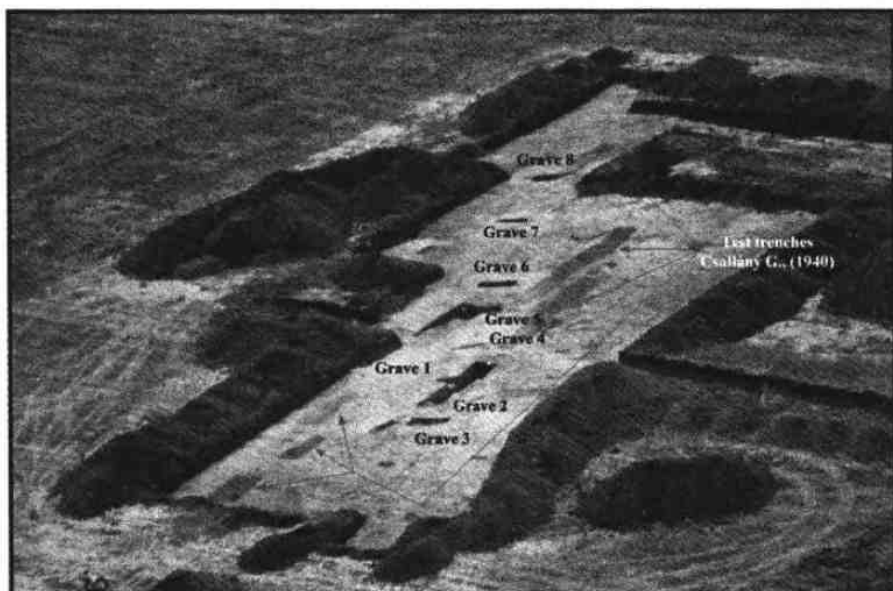
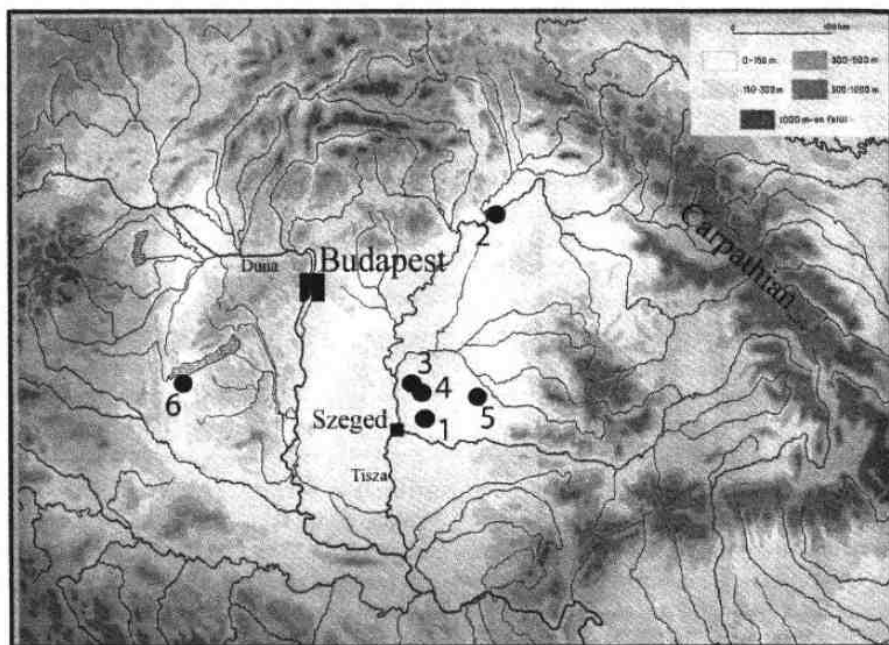

Рис. 1. 1 – реконструкция древневенгерского лука К.Ч.Шебештена (Sebestyén K. 1932, 4. kép); 2, 3 – реконструкция древневенгерского лука Д.Фабьяна (Trogmayer O., 1962, c.18, Tab. IV; Fábíán Gy., 1984, 2. kép, 1. ábra); 4 – гарнитуры роговых пластин луков, найденные в погребениях вне соответствия с конструкцией настоящего лука, либо некомплектные. Ikervár-Virág utca, n.7 (Kiss G., 2000, 26. kép); 5 – частота употребления совместных комбинаций разных роговых накладок от луков, обнаруженных в целых могилах: кн – концевая (боковая) пластина; цн – центральная (боковая) пластина (Biró Á., in print, diagrams 5, 6).

Fig. 1. 1 – a reconstruction of an Old Hungarian bow by K.Sebestyén (Sebestyén K., 1932, 4. kép); 2, 3 – a reconstruction of an Old Hungarian bow by D.Fábíán (Trogmayer O., 1962, c.18, Tab. IV; Fábíán D., 1984, 2. kép, 1. ábra); 4 – sets of horn plates of bows found in the burials out of correspondence with the basic structure of a real bow, or incomplete. Ikervár-Virág utca, 7. sír (Kiss G., 2000, 26. kép); 5 – frequency of using mutual combinations of different horn overlays of bows found in undamaged burials: кн – an end (lateral) plate; цн – a central (lateral) plate (Biró Á., in print, diagrams 5, 6)

1

2

Рис. 2. А – Сентеш, Дерекедьhazi-oldal, табла Д-3 (Szentés, Derekegyházi-oldal, D-3 tábla), план могильника; Б – центральные тыльные фронтальные накладки в Карпатской котловине (X в.): 1 – *Hódmezővásárhely-Szakálhát, Bakay-tanya, n.19*; 2 – *Rakamaz-Strázsadomb, n.3*; 3 – *Szentés-Borbásföld, n.15*; 4 – *Szentés, Derekegyházi-oldal, D-3 tábla, n.6*; 5 – *Újkigyós, Skoperda-tanya, n.3* (Medgyesi P., 2002, 8, 9. kép); 6 – *Vörs, Majori-dűlő, n.357* (Költő L., Horváth P., 2004, 3, 4. ábra).

Fig. 2. A – Szentés, Derekegyházi-oldal, D-3 tábla, the layout of burial ground; Б – central rear frontal overlays in the Carpathian Basin (10th c.): 1 – *Hódmezővásárhely-Szakálhát, Bakay-tanya, burial 19*; 2 – *Rakamaz-Strázsadomb, burial 3*; 3 – *Szentés-Borbásföld, burial 15*; 4 – *Szentés, Derekegyházi-oldal, D-3 tábla, burial 6*; 5 – *Újkigyós, Skoperda-tanya, burial 3* (Medgyesi P., 2002, 8, 9. kép); 6 – *Vörs, Majori-dűlő, burial 357* (Költő L., Horváth P., 2004, 3, 4. ábra)

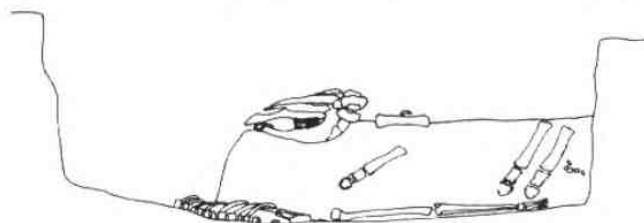
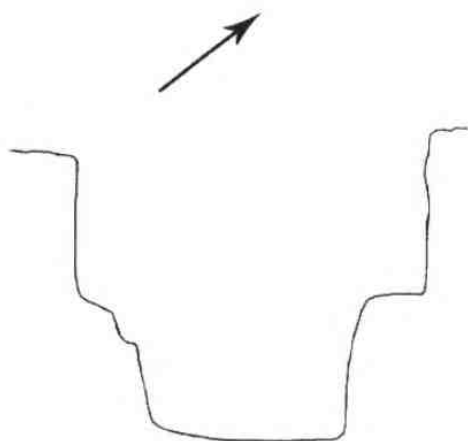

Рис. 3. Сентеш, Дерекедьхази-олдал, табла Д-3, п.6 (Szentés, Derekegyházi-oldal, D-3 tábla, 6. sír).
 Fig. 3. Szentés, Derekegyházi-oldal, D-3 tábla, burial 6

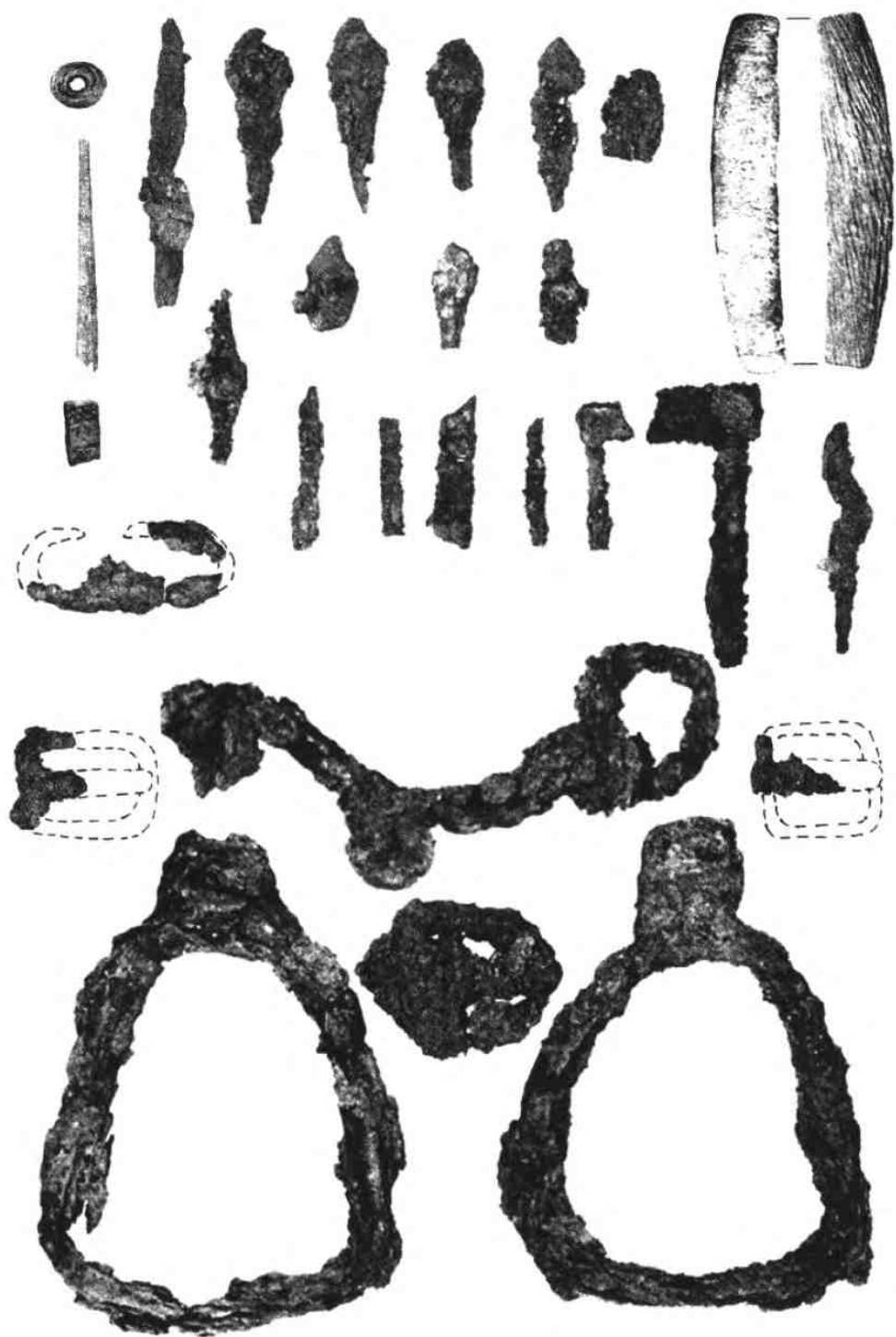
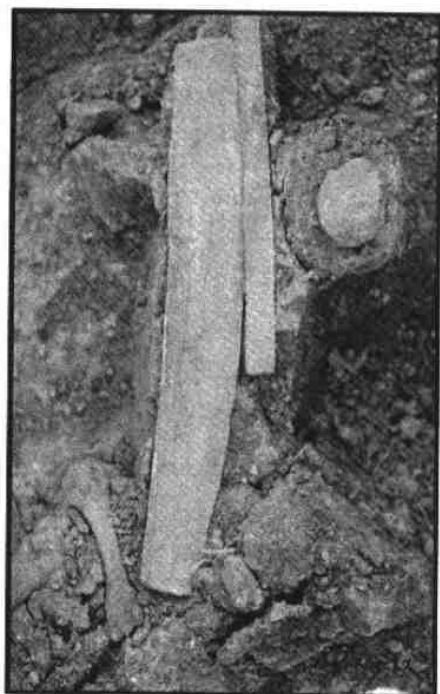
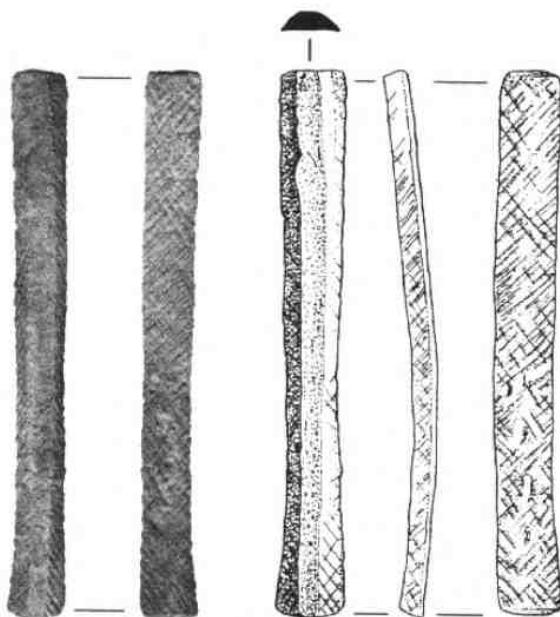

Рис. 4. Сентеш, Дерекедьхази-олдал, табла Д-3, п.6 (Szentes, Derekegyházi-oldal, D-3 tábla, 6. sír): инвентарь погребения.

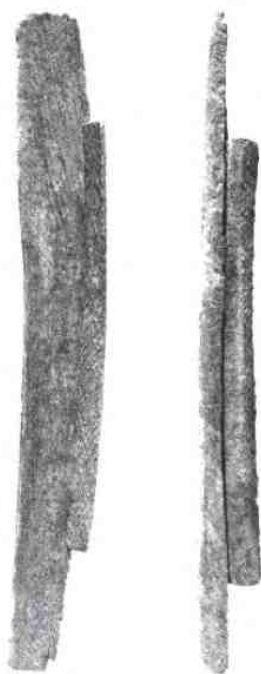
Fig. 4. Szentes, Derekegyházi-oldal, D-3 tábla, burial 6: grave goods of burial 6

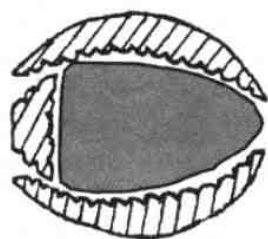
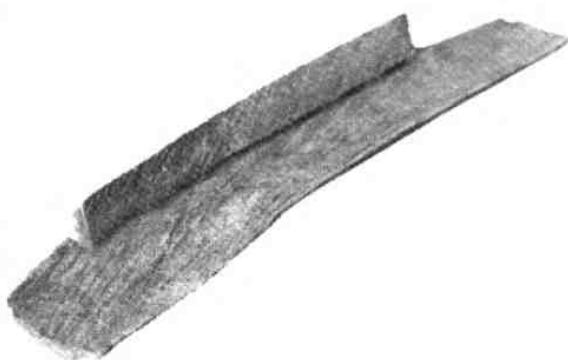
1

2

3

4

Рис. 5. Сентеш, Дерекедьхази-олдал, табла Д-3, п.6 (Szentés, Derekegyházi-oldal, D-3 tábla, 6. sír): 1-4 – центральная тыльная фронтальная накладка.

Fig. 5. Szentés, Derekegyházi-oldal, D-3 tábla, burial 6: 1-4 – a central rear frontal overlay

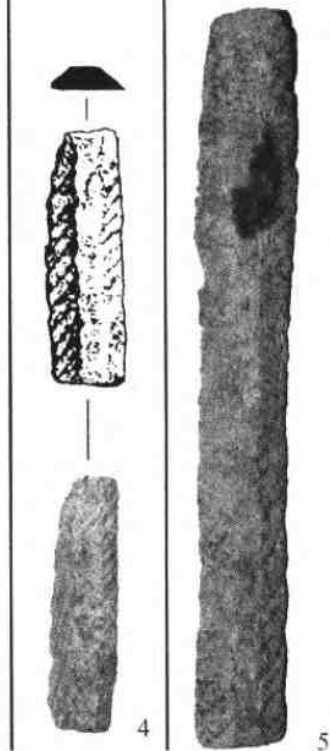
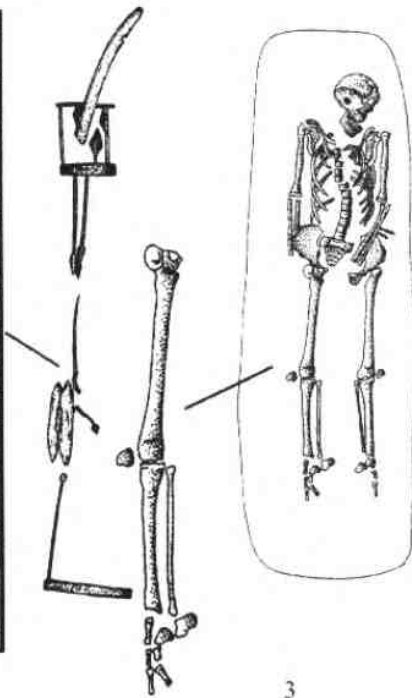
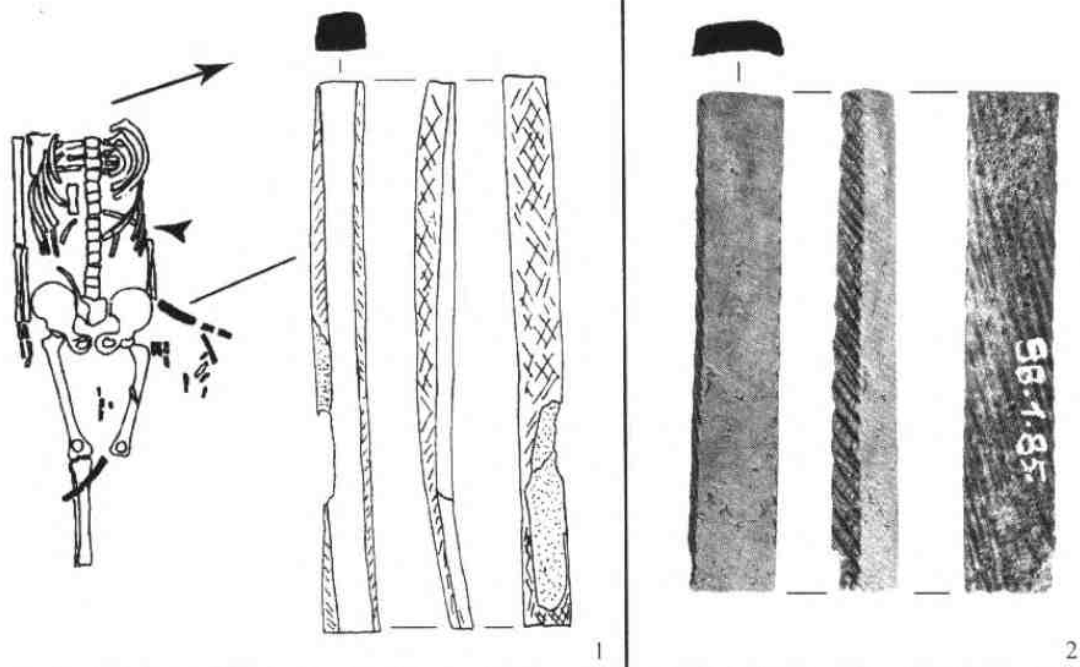

Рис. 6. Центральные тыльные фронтальные накладки в Карпатской котловине (X в.): 1 – Újkigyós, Skoperda-tanya, n.3 (Medgyesi P., 2002. 8, 9. kép); 2 – Szentés-Borbásföld, n.15; 3 – Vörs, Majori-dűlő, n.357 (Költő L., Horváth P., 2004. 3, 4. ábra, 5, 8. kép); 4 – Hódmezővásárhely-Szakálhát, Bakay-tanya, n.19; 5 – Rakamaz-Strázsadomb, n.3.

Fig. 6. Central rear frontal overlays in the Carpathian Basin (10th c.): 1 – Újkigyós, Skoperda-tanya, burial 3 (Medgyesi P., 2002, 8, 9. kép); 2 – Szentés-Borbásföld, burial 15; 3 – Vörs, Majori-dűlő, burial 357 (Költő L., Horváth P., 2004, 3, 4. ábra, 5, 8. kép); 4 – Hódmezővásárhely-Szakálhát, Bakay-tanya, burial 19; 5 – Rakamaz-Strázsadomb, burial 3

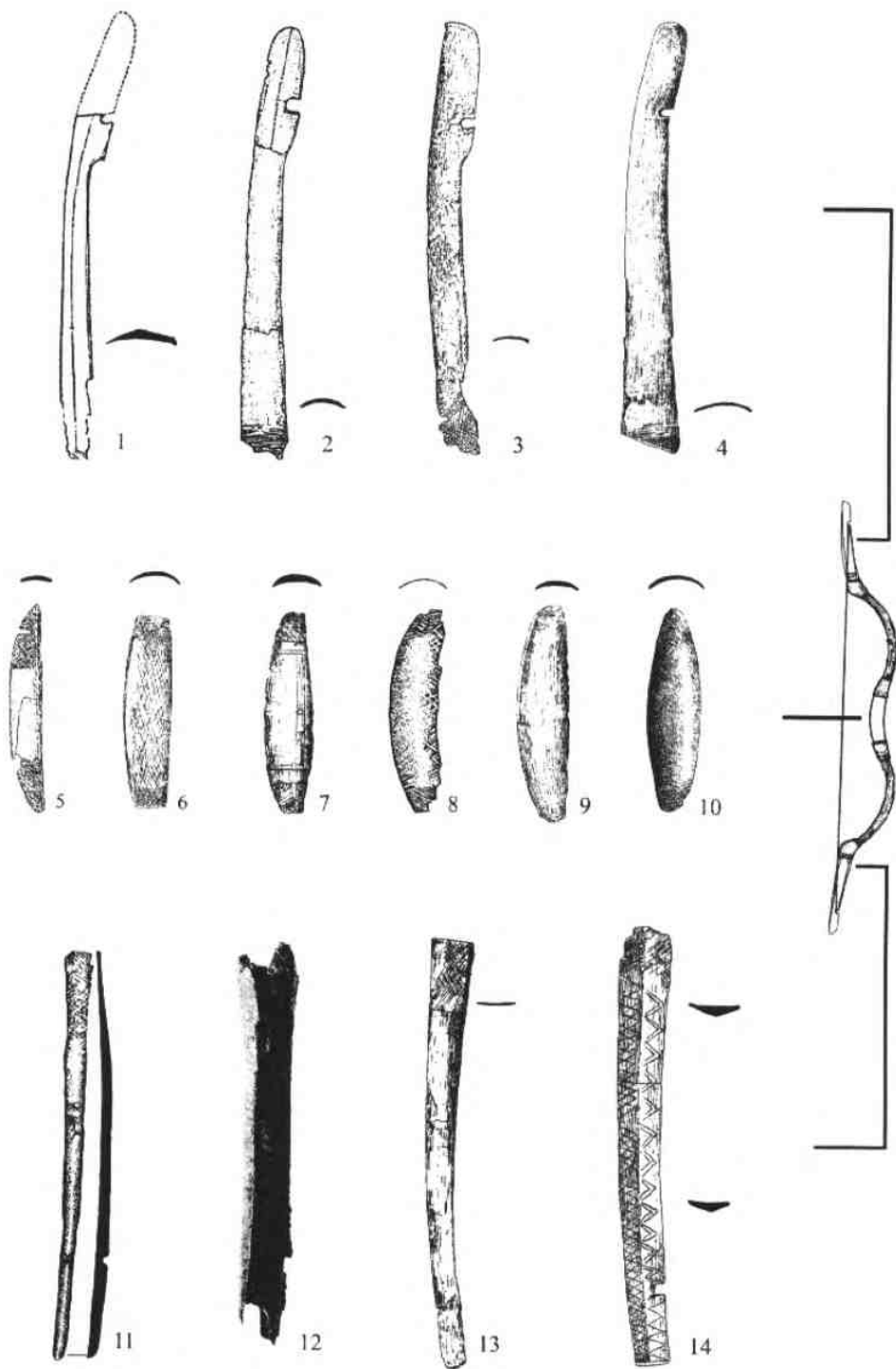
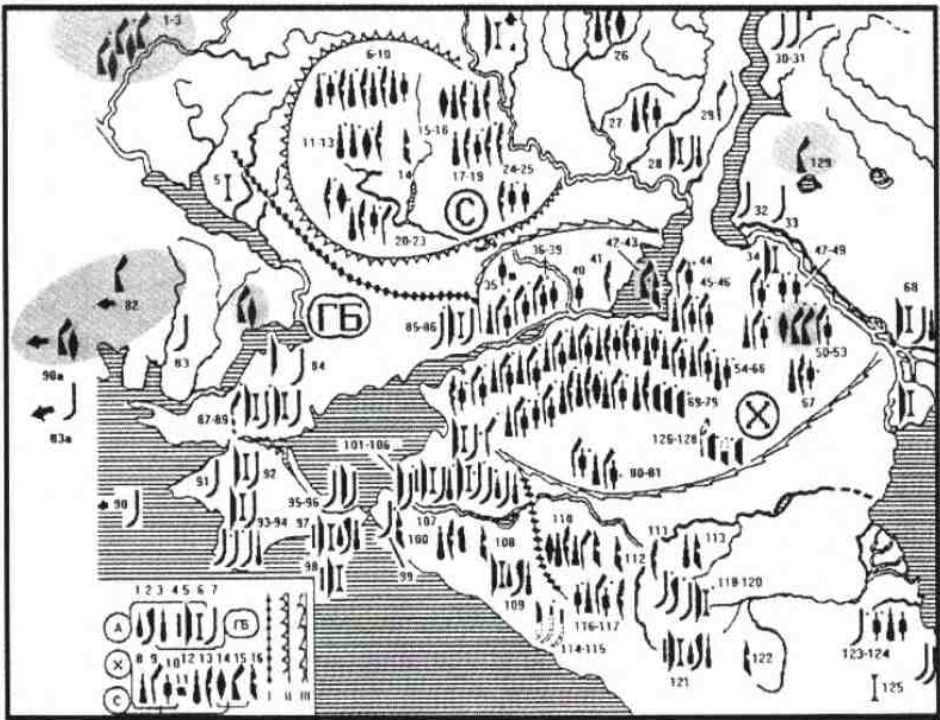
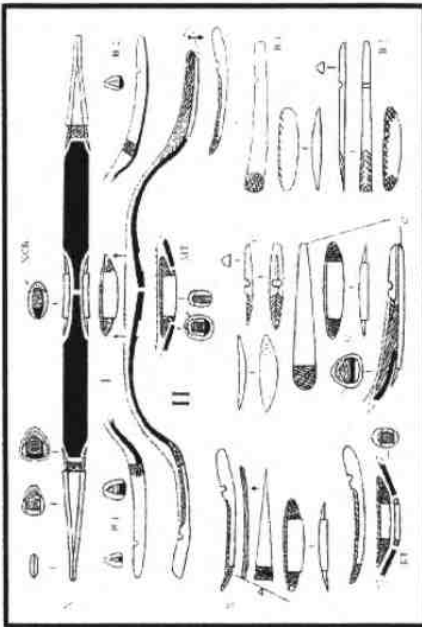

Рис. 7. Основные группы формальной классификации накладок лука в Карпатской котловине (X-XI вв.): 1 – Kunágota, n.3; 2, 5 – Karos-Eperjesszőg II, n.60; 3 – Sárrétudvari-Hízóföld, n.264; 4, 7 – Sárrétudvari-Poroshalom, n.1; 6 – Sárrétudvari-Hízóföld, n.106; 8, 11 – Hódmezővásárhely-Nagysziget, n.63; 9, 13 – Biharkeresztes-Bethlen Gábor utca 25, n.2; 10 – Mohács-Téglagyár, n.5; 12 – Szarvas, Velki-halom, n.5; 14 – Hajdúszoboszló-Árkoshalom, n.248.

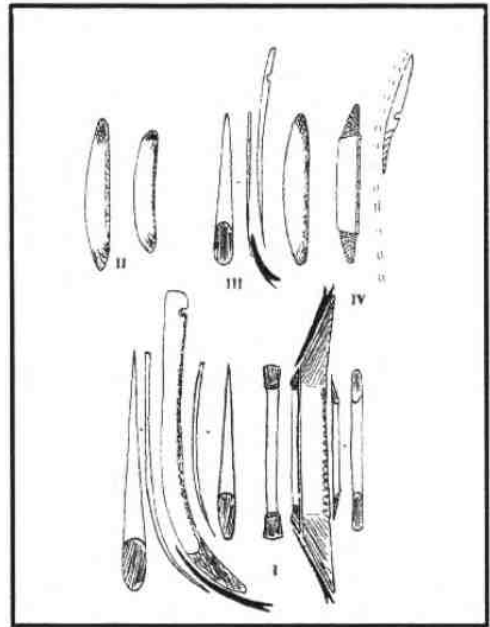
Fig. 7. Main groups of formal classification of bow overlays in the Carpathian Basin (10th-11th cc.): 1 – Kunágota, burial 3; 2, 5 – Karos-Eperjesszőg II, burial 60; 3 – Sárrétudvari-Hízóföld, burial 264; 4, 7 – Sárrétudvari-Poroshalom, burial 1; 6 – Sárrétudvari-Hízóföld, burial 106; 8, 11 – Hódmezővásárhely-Nagysziget, burial 63; 9, 13 – Biharkeresztes-Bethlen Gábor utca 25, burial 2; 10 – Mohács-Téglagyár, burial 5; 12 – Szarvas, Velki-halom, burial 5; 14 – Hajdúszoboszló-Árkoshalom, burial 248

1

2

3

Рис. 8. 1 – раннесредневековые сложносоставные луки Восточной Европы (Савин А.М., Семенов А.И., 1998, рис. на с.294); 2 – технологическая линия развития раннесредневековых сложносоставных луков Восточной Европы (Савин А.М., Семенов А.И., 1997, с.42, рис.3); 3 – технологическая линия развития раннесредневековых сложносоставных луков Восточной Европы (Измайлов И.Л., 1998, рис.1).

Fig. 8. 1 – Eastern European early medieval complex compound bows (Савин А.М., Семенов А.И., 1998, Fig. on p.294); 2 – technological line of development of Eastern European early medieval complex compound bows (Савин А.М., Семенов А.И., 1997, с.42, рис.3); 3 – technological line of development of Eastern European early medieval complex compound bows (Измайлов И.Л., 1998, рис.1)

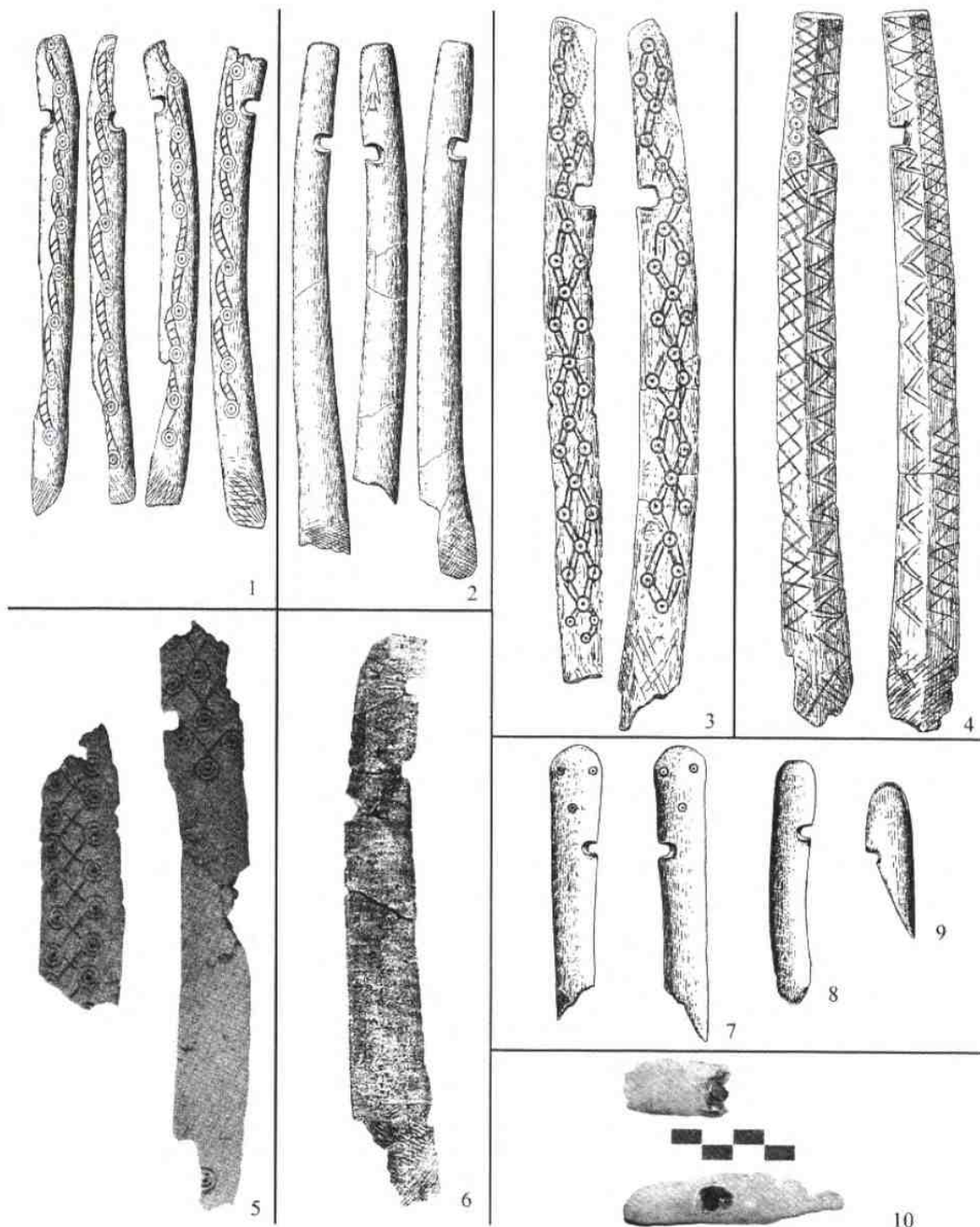
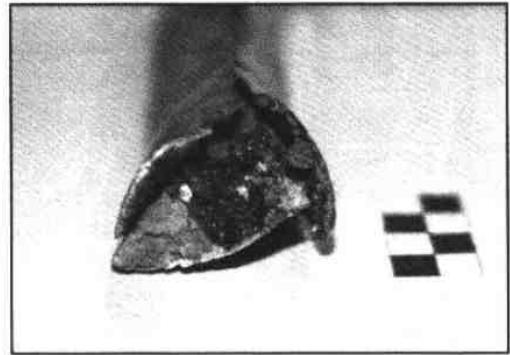

Рис. 9. Общие конструктивные элементы концевых боковых пластин луков Восточной Европы и Карпатской котловины: 1 – Усть-Каменка, к.2; 2 – Шестовицы, к.110; 3 – Hajdúszoboszló-Árkoshalom, n.145; 4 – Hajdúszoboszló-Árkoshalom, n.248; 5 – Gyulafehérvár-Mentőállomás (Алба Юлия, Румыния), n.1982/3; 6 – Sándorfalva-Eperjes, n.114; 7 – оз.Солянина; 8 – с.Стретовка; 9 – г.Воин; 10 – Sárrétudvari-Hizóföld, n.214.

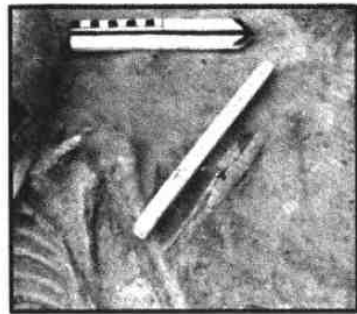
Fig. 9. Similar structural elements of end lateral plates of bows from Eastern Europe and the Carpathian Basin: 1 – Ust-Kamenka, barrow 2; 2 – Shestovitsy, barrow 110; 3 – Hajdúszoboszló-Árkoshalom, burial 145; 4 – Hajdúszoboszló-Árkoshalom, burial 248; 5 – Gyulafehérvár-Mentőállomás (Alba Julia, Romania), burial 1982/3; 6 – Sándorfalva-Eperjes, burial 114; 7 – Solianina lake; 8 – Stretovka village; 9 – Voin; 10 – Sárrétudvari-Hizóföld, burial 214

5

4

6

Рис. 10. 1-4 – Szarvas, Velki halom, n.5; 5, 6 – Vörs, Majori-dűlő, n.385 (Költő L., Horváth P., 2004, 3. kép).

Fig. 10. 1-4 – Szarvas, Velki halom, burial 5; 5, 6 – Vörs, Majori-dűlő, burial 385 (Költő L., Horváth P., 2004, 3. kép)

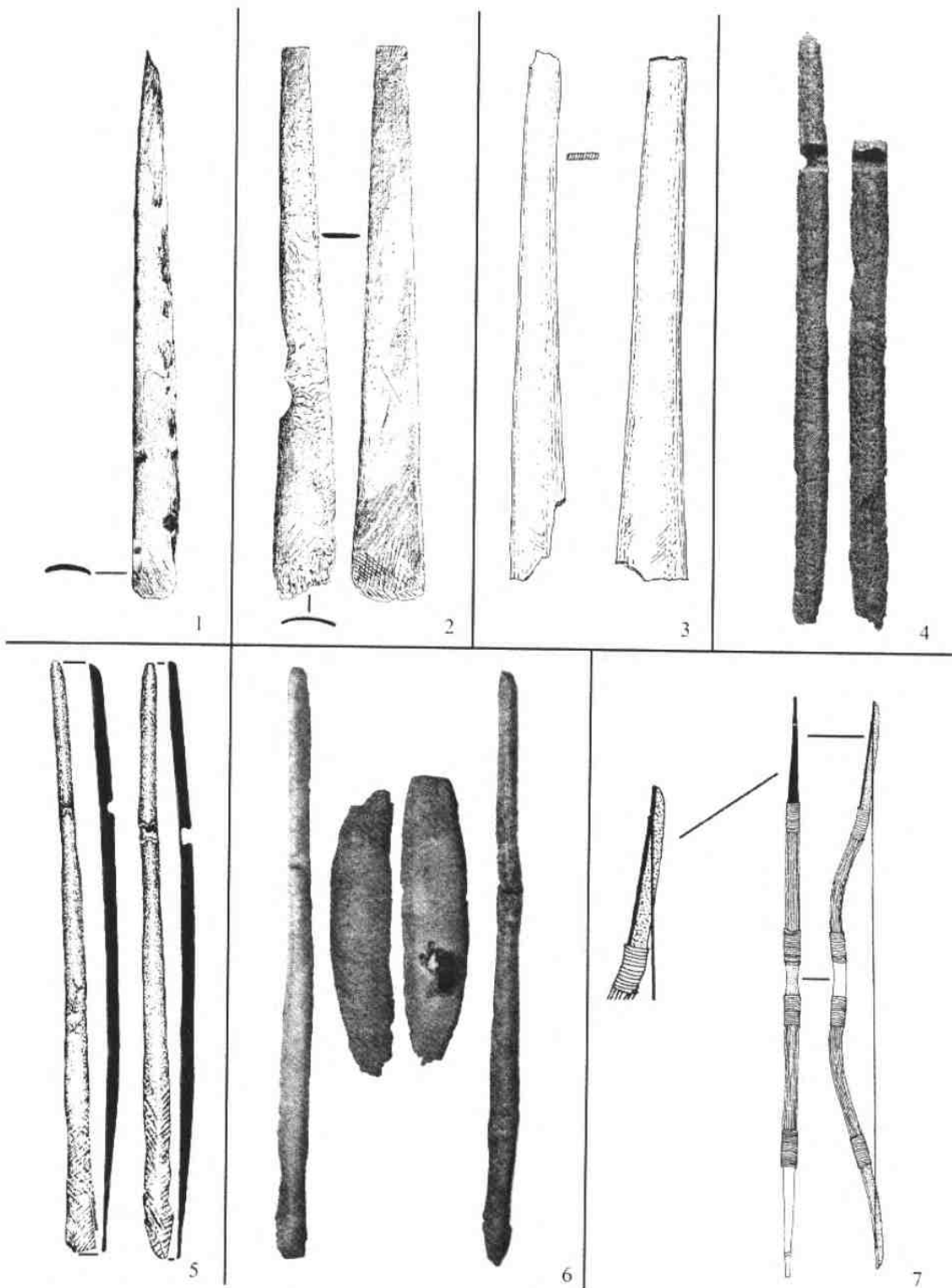

Рис. 11. 1 – Ikervár-Virág utca, n.7 (Kiss G., 2000, 10. tábla); 2 – Sárrétudvari-Hízóföld, n.80 (Nepper I., 2002, 246. ábra); 3 – Lipová Ondrochov (Липова Ондрохов, Словакия), n.4 (IV) (Točík, A., 1968, Taf.XXII); 4 – Gyulafehérvár-mentőállomás (Алба Юлия, Румыния) (Ciugudean H., 2006; Blăjan M., 2006, c.111); 5-7 – Hódmezővásárhely-Nagysziget, n.63 (Nagy K., Révész L., 1986, 5. kép).

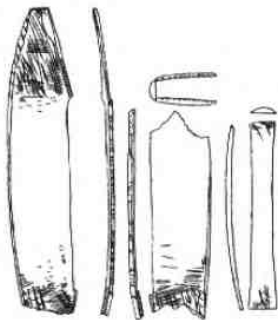
Fig. 11. 1 – Ikervár-Virág utca, burial 7 (Kiss G., 2000, 10. tábla) 2 – Sárrétudvari-Hízóföld, burial 80 (Nepper I., 2002, 246. ábra) 3 – Lipová Ondrochov (Slovakia), burial 4 (IV) (Točík, A., 1968, Taf.XXII) 4 – Gyulafehérvár-mentőállomás (Alba Julia, Romania) (Ciugudean H., 2006; Blăjan M., 2006, p.111) 5-7 – Hódmezővásárhely-Nagysziget, burial 63 (Nagy K., Révész L., 1986, 5. kép)

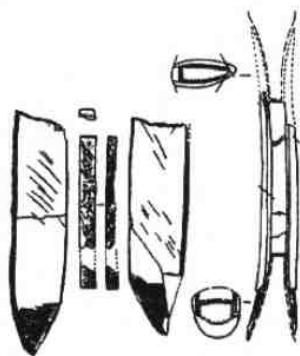
1

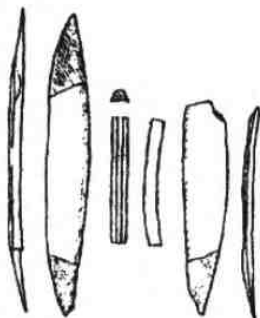
2

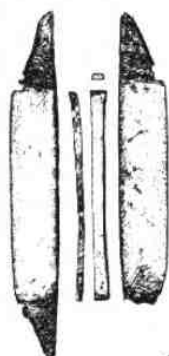
3

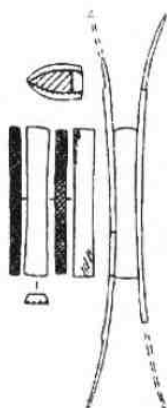
4

5

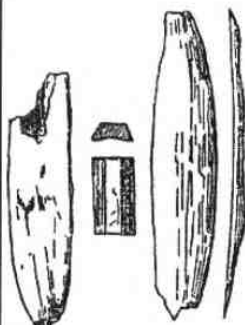
6

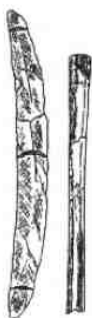
7

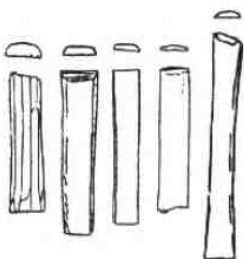
8

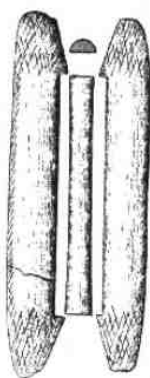
9

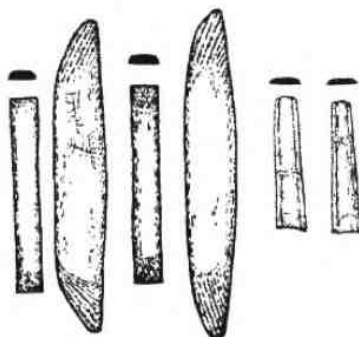
10

11

12

13

Рис. 12. 1 – Алтай (Овчинникова Б.Б., 1990, рис.35, 11); 2 – джетыясарская культура, Алтынасар 40, к.190 (Левина Л.М., 1996, рис.89-91); 3 – Жирноклеевский, захоронение коня из кургана 6 (Круглов Е.В., 2007, рис.2); 4 – Керчик (Гать-III), к.27 (Савин А.М., Семенов А.И., 1999, рис.52.); 5 – Обозное, к.2, п.1 (Комар О.В., Пиоро В.И., 1999, табл.2, 5); 6 – Таловый-II, к.3, п.1 (Глебов В.П., Иванов А.А., 2007, рис.6); 7 – Дубовый, к.2 (Круглов Е.В., 2005а, рис.7, 1-5); 8, 9 – Саркел – Белая Вежа, к.3, 60 (Плетнева С.А., 1990, рис.16, 25); 10 – Саркел – Белая Вежа, п. в насыпи 18 (Флёрова В.Е., 2001, рис.16); 11 – Саркел – Белая Вежа (Флёрова В.Е., 2001, рис.8, 9); 12 – Старое Мусино, к.2 (Медведев А.Ф., 1966, табл.3); 13 – Капчалы II, к.1 (Худяков Ю.С., 1986, рис.62).

Fig. 12. 1 – Altai (Ovchinnikova B.B., 1990, pic.35, 11); 2 – Jetyasar culture, Altynasar 40, barrow 190 (Levina L.M., 1996, pic.89-91); 3 – Zhirnokleyevskii, a horse burial from barrow 6 (Kruglov E.V., 2007, pic.2); 4 – Kerchik (Gat-III), barrow 27 (Savin A.M., Semenov A.I., 1999, pic.52); 5 – Oboznoie, barrow 2, burial 1 (Komar O.V., Pioro V.I., 1999, tabl.2, 5); 6 – Talovyi-II, barrow 3, burial 1 (Glebov V.P., Ivanov A.A., 2007, pic.6); 7 – Dubovyi, barrow 2 (Kruglov E.V., 2005a, pic.7, 1-5); 8, 9 – Sarkel – Belaia Vezha, barrow 3, burial 60 (Pletneva S.A., 1990, pic.16, 25); 10 – Sarkel – Belaia Vezha, from the burial in mound 18 (Fleorova V.E., 2001, pic.16); 11 – Sarkel – Belaia Vezha (Fleorova V.E., 2001, pic.8, 9); 12 – Staroie Musino, barrow 2 (Medvedev A.F., 1966, tabl.3); 13 – Kapchaly II, barrow 1 (Hudjakov Ju.S., 1986, pic.62)

Литература и архивные материалы

- Аксенов В.С., Михеев В.К.,** 2006. Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII-X вв.// Хазарский альманах. Т.5. Киев; Харьков.
- Аксенов В.С., Тортика А.А.,** 2001. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII-X вв.: Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.
- Артемьев А.Р., Гайдуков П.Г.,** 1992. Лук XIII в. из Новгорода// РА. № 3.
- Атавин А.Г.,** Некоторые особенности захоронения чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. № 1.
- Бліфельд Д.І.,** 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. К.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.,** 2006. Вооружение западных тюрок// Вестник Новосибирского государственного университета. Т.5. Вып.3. Новосибирск.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.,** 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа.
- Глебов В.П., Иванов А.А.,** 2007. Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый III// Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып.2. Москва; Иерусалим.
- Измайлов И.Л.,** 1998. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья конца VIII-X вв.// Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Инвентарная книга музея им.Шамуела Тешшедика в г.Сарваше,** 1962. Инв. № 66.5.4.
- Йотов В.,** 2004. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII-XI век). Варна.
- Ковач Л.,** 1981. Вооружение венгров-обретателей родины: сабли, боевые топоры, копья. Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Комар О.В., Пиоро В.И.,** 1999. Курганы хазарского часу на Луганщині// Vita Antiqua. № 2. К.
- Круглов Е.В.,** 2003. Сложные луки Восточной Европы раннего средневековья// Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч.II. М.
- Круглов Е.В.,** 2004. "Тюрко-хазарский" сложносоставной лук// Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная археологическая конференция. Тезисы докладов. Волгоград.
- Круглов Е.В.,** 2005а. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк.

- Круглов Е.В.**, 2005б. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени// II Городцовские чтения. М.
- Круглов Е.В.**, 2007. “Захоронение коня” из Волго-Донского междуречья// Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып.2. Москва; Иерусалим.
- Левина Л.М.**, 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.
- Макарова Т.И., Плетнева С.А.**, 2003. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. М.
- Мажитов Н.А.**, 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.
- Медведев А.Ф.**, 1959. Оружие Новгорода Великого// МИА. № 65.
- Медведев А.Ф.**, 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самотрел) VIII-XVI вв.// САИ. Вып.Е1-36.
- Милованов Е., Иерусалимская А.А.**, 1976. Лук из Мошевой Балки// СГЭ. № XLI.
- Овчинникова Б.Б.**, 1982. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве// СА. № 3.
- Овчинникова Б.Б.**, 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X вв. Свердловск.
- Плетнева С.А.**, 1963. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи// МИА. № 109.
- Плетнева С.А.**, 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи). М.
- Рыков П.С.**, 1929. Археологические раскопки и разведки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 году// Журнал Нижне-Волжского Института краеведения имени М.Горького. Самара.
- Садыхова М.Х.**, 1959. Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии// Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Савин А.М., Семенов А.И.**, 1992. Средневековый лук из находки на р.Гогопс (По материалам архива М.П.Грязнова)// Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции “К 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова”. СПб.
- Савин А.М., Семенов А.И.**, 1997. Забытые, неопознанные и незамеченные луки гунно-болгарского типа// Проблемы истории и археологии Украины. Харьков.
- Савин А.М., Семенов А.И.**, 1998. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа//Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Савин А.М., Семенов А.И.**, 1999. Лук хазарского времени из могильника Керчик, курган 27// Труды Новочеркаской археологической экспедиции. Вып.4. Азов.
- Супруненко О.Б., Масвська С. В.**, 2007. Давньоугорське поховання у кургані в пониззі Псла// Археологічний літопис Лівобережної України. 1-2. Полтава.
- Табалдиев К.Ш.**, 1996. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек.
- Флёрова В.Е.**, 2001. Резная кость Юго-Востока Европы IX-XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.
- Худяков Ю.С.**, 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Arendt V.V.**, 1935. Türkische Säbel aus den VIII.-IX. Jahrhunderten// Zakharov A., Arendt V. Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. (Archaeologia Hungarica. XVI). Budapest.
- Bálint A.**, 1936. A szakálhátí Árpád-kori temető (Gräberfeld aus der Árpádenzeit in Szakálhát)// Dolgozatok a M. Kir. Ferencz József Tudományegyetem Archaeologiai Intézetéből. № XII/1-2. Szeged.
- Bálint Cs.**, 1994. A 9. századi magyarság régészeti hagyatéka [Археологическое наследие древних венгров в IX в.]/ Honfoglalás és régészet (A honfoglalásról sok szemmel I). Budapest.
- Bálint Cs.**, 1996. A kora-középkori kelet-európai steppe régészete és a 9-10. századi magyarok [Археология восточноевропейских степей в раннем средневековье и древние венгры в IX-X вв.]/ Magyar Tudomány. № 8.
- Bíró Á.**, 2007. A X-XI. századi Kárpát-medencei íjlemezek kutatásának legújabb eredményei.[Новейшие результаты исследования пластинок-накладок луков X-XI вв. в Карпатской котловине]/ Előadások az „Újabb eredmények a Kárpát-medence X-XI századi régészeti kutatásában” konferencián. Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest.
- Bíró Á.**, 2008. Az íjászok nyomában: íjlemezek a 10-11. századi Kárpát-medencei temetőkben. A korcsoporti megoszlás és a funkcionális íjfelszerelési egységek problematikája [По следам лучников: пластины лука в погребениях X-XI вв. в могильниках Карпатской котловины. Проблематика разделения по возрастам и функциональным снабжениям лучников]/ Előadás a „Sötét idők lakói — 6-11. századi temetők a Kárpát-medencében és környékén” című konferencián. Déri Múzeum. Debrecen.
- Bíró Á.**, (в печати). A 10-11. századi Kárpát-medencei íjlemezek külső forráskritikai problémái [Проблема роговых накладок лука (IX-X вв.) в Карпатской котловине как археологический источник]/ “legjobb, ha mindez nem merül feledésbe ...” Ünnepi tanulmányok Kovács László 65. születésnapjára. Budapest.

- Blăjan M.**, 2006. Alba Iulia – “Stația de Salvare” (campaniile 1980-1981)// Habitat-Religie-Etnicitate: Descoperiri archaeologice din secolele IX-XI în Transilvania. Catalog de expoziție. Bibliotheca Musei Apulensis. № XXI. Alba Iulia.
- Bóna I.**, 1979. Régészettünk és Kelet-Európa [Наша археология и Восточная Европа]// Az MTA II. Osztályának Közleményei. № 28. Budapest.
- Ciugudean H.**, 2006. Alba Iulia (Gyulafehérvár, Weissenburg, Karlsburg). Necropole de la Alba Iulia – “Stația de Salvare”// Habitat-Religie-Etnicitate: Descoperiri archaeologice din secolele IX-XI în Transilvania. Catalog de expoziție. Bibliotheca Musei Apulensis. XXI. Alba Iulia.
- Coulston J. C.**, 1985. Roman Archery Equipment// The Distribution and Production of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar. British Archaeological Reports. International Series. 275. Oxford.
- Csallány G.**, 1941. Újabb honfoglaláskori leletek Szentes környékéről// FolArch. 3-4. Budapest.
- Csikós B.**, 2004. The Magyar Bow (http://www.atam.org/magyar/magyar_2/bow.htm)
- Dobolán G., Szöllösy G.**, 1996. Miért általános a nomád népek közt a hátrafelé nyilazás? Gondolat-kísérletek (spekulációk) a lovak és nyilak sebességéről// Savaria. Pars Archaeologica. № 22/3.
- Fábián Gy.**, 1967. Archaeologia experimentalis. Honfoglaláskori magyar íj rekonstrukciója [Экспериментальная археология. Реконструкция лука древних венгров]// Természettudományi Közlöny. № 3. Budapest.
- Fábián Gy.**, 1984. Újabb adatok a honfoglaláskori íjászat kérdésköréhez// A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1980-1981. 1. Szeged.
- Fodor I.**, 1982. In search of a new homeland: the prehistory of the Hungarian people and the Conquest. Budapest.
- Fodor I.**, 1985. Honfoglaláskori temető Sándorfalván (Előzetes közlemény)// Acta Antiqua et Archaeologica. № V. Régészeti tanulmányok. № I. Szeged.
- Fodor I.**, 1994. Leletek Magna Hungariától Etelközig [Находки от “Magna Hungaria” до Этелькузы]// Honfoglalás és régészet (A honfoglalásról sok szemmel. I). Budapest.
- Fodor I.**, 2006. A régészettudomány történetisége// Archaeologiai Értesítő. № 131. Budapest.
- Gáll E.**, 2007. Az Erdélyi-medence, a Partium és a Bánság X-XI. századi sír- és szórvány-fegyverleleteinek elemzése [Анализ погребальных и случайных находок оружия X-XI вв. из Трансильванской котловины, Парциума и Баната]// Hadtörténelmi Közlemények. № 120/2. Budapest.
- Hajdu L.**, 1996. Közös kincsünk: az ősi magyar íj [Наш общий клад: древневенгерский лук]// Az őshazától Árpád honalapításáig. Nemzeti történelmünk III. Tanulmánykötet a honfoglalásunk 1100. évfordulója tiszteletére. Kaposvár.
- Härke H.**, 1989. Early Saxon Weapon Burials: frequencies, distributions and weapon combinations// Weapons and Warfare in Anglo-Saxon England. Oxford.
- Härke H.**, 1990. „Warrior Graves”? The Background of the Anglo-Saxon Weapon Burial Rite// Past&Present. № 126. Oxford.
- Härke H.**, 1992a. Angelsächsische Waffengräber des 5. bis 7. Jahrhunderts// Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters Beiheft. 6. Köln; Bonn.
- Härke H.**, 1992b. Changing Symbols in a Changing Society: The Anglo-Saxon Weapon Burial Rite in the Seventh Century// The Age of Sutton Hoo. The Seventh Century in North-Western Europe. Suffolk.
- Horváth S., Körtvélyesi G., Legeza L.**, 2005. A magyar íj statikája [Статика венгерского лука]// Kard és Toll. 2.
- Ierusalimskaja A.A.**, 1996. Die Gräber der Moščevaja Balka. Frühmittelalterliche Funde an der nordkaukasischen Seidenstrasse. München.
- Igaz L.**, 2007. Kísérleti régészet Magyarországon és külföldön: néhány példa különböző történelmi korszakok kísérleti régészeti úton történő „életre keltésére”. Megjegyzések az Árpád-kor harcászatának a kísérleti régészet módszereivel történő rekonstrukciós kérdéseiről// Aetas. № 22/4. Szeged.
- Iotov V.**, 2008. A note on the “Hungarian sabers” of medieval Bulgaria// The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars and Cumans. Leiden; Boston.
- Jósa A.**, 1914. Honfoglaláskori emlékek Szabolcsban II [Находки эпохи обретения родины венгров в комитете Саболч II]// Archeológiai Értesítő. 34. Budapest.
- Kassai L.**, 2001. Lovasiíjászat [Стрельба из лука с коня]. Budapest.
- Kelemen Zs.**, 2005. Lóháton, fegyverben. [Верхом и во всеоружие] Szentendre.
- Kiss B.**, 2004. “A magyarok nyilaitól ments meg uram minket!” Németh Gyula íjkészítési módszere// PannonKÖR Füzetek. № I. Szombathely.

- Kiss G.**, 2000. Vas megye 10-12. századi sír- és kincsleletei [Находки из погребений и кладов X-XII вв. в комитате Ваш] //Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei. 2. Szombathely.
- Költő L., Horváth P.**, 2004. Vörs-Majori dűlő 357. számú sírban talált tegez zárszerkezetének restaurálása, rekonstruálása// Somogyi Múzeumi Közlemények. № XVI.
- Kovács L.**, 1975. A magyar honfoglaláskori fegyvertörténeti kutatások állásáról// Hadtörténelmi Közlemények. № XII/3. Budapest.
- Kun P.**, 2006. A mongol íjászat [Монгольская стрельба из лука]// Mongol játékok és versenyek. Körösi Csoma Kiskönyvtár. № 27. Budapest.
- Kürti B.**, 1996. Egy honfoglalás kori tárgy eredetéhez// Communicationes Archaeologicae Hungariae. Budapest.
- Langó P.**, 2005. Archaeological research on the conquering Hungarians: A review// Research on the prehistory of the Hungarians: a review. Papers presented at the meetings of the Institute of Archaeology of the HAAS, 2003-2004. Varia Archaeologica Hungarica. 18. Budapest.
- Langó P., Türk A.**, 2003. Honfoglalás kori női sír Szentés Derekegyházi oldal határrészéből. Szentés.
- Langó P., Türk A.**, 2004. Előzetes beszámoló a Szentés környékén 2002-ben végzett honfoglalás kori lelőhelyek hitelesítő feltárásairól// Múzeumi kutatások Csongrád megyében. 2003. A Móra Ferenc Múzeumban 2003. december 2-4-én tartott tudományos ülészakon elhangzott előadások. Szeged.
- László Gy.**, 1943. A koroncói lelet és a honfoglaló magyarok nyerge// Archaeologia Hungarica. № XXVII. Budapest.
- Leshchinskaja N.**, 2003. Chronology and periodization of the cemeteries of Vyatka basin (I – early II. millennia AD)// Art and Archaeological Investigation of the Woodland of East Europe. Izhevsk.
- Madaras L.**, 1994. Megjegyzések az avar és magyar reflexij rekonstrukciójának kérdéséhez [Примечания к вопросу о реконструкции аварского и древневенгерского луков]// A szülőföld szolgálatban. Tanulmányok a 60 éves Fazekas Mihály tiszteletére. A Jász-Nagykun-Szolnok Megyei Múzeumok Közleményei. № 49. Szolnok.
- Medgyesi P.**, 2002. Az Újkígyós, Skoperda-tanyánál feltárt 10-11. századi temetőrészet// A Békés Megyei Múzeumok Közleményei. № 23. Békéscsaba.
- Mesterházy K.**, 1991. A felső-tisza-vidéki ötvösműhely és a honfoglalás kori emlékek időrendje [Хронология истории ювелирной мастерской на территории Верхней Тиссы и находок времени приобретения венграми родины]// Az Egri Dobó István Vármúzeum Évkönyve. XXV-XXVI. Eger.
- Mesterházy K.**, 1994. Die Landnahme und der Ungarn aus archäologischer Sicht// Ausgewählte Probleme europäischer Landnahmen des Früh- und Hochmittelalters. Methodische Grundlagendiskussion im Grenzbereich zwischen Archäologie und Geschichte. Teil II. Vorträge und Forschungen. № XLI. Sigmaringen.
- Mészáros L., Szöllösy G.**, 1995. Az íjak maximális lőtávolságának meghatározása számítógépes modellezéssel// Somogyi Múzeumi Közlemények. № XI. Kaposvár.
- Nagy K., Révész L.**, 1986. Egyedi típusú honfoglalás kori íj csontmaradványai Hódmezővásárhely-Nagyszigetről// Communicationes Archaeologicae Hungariae. Budapest.
- Nepper I.**, 2002. Hajdú-Bihar megye 10-11. századi sírleletei. I-II. [Находки из погребений X-XI вв. в комитате Хайду-Бихар]// Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 3. Budapest; Debrecen.
- Poór M.**, 2006. Az ősmagyarok hadi művészete [Военное искусство древних венгров]. Budapest.
- Révész L.**, 1985. Adatok a honfoglaláskori tegez szerkezetéhez// Acta Antiqua et Archaeologica. № V. Régészeti tanulmányok. № I. Szeged.
- Révész L.**, 1996a. A karosi honfoglalás kori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez // Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei I. Miskolc.
- Révész L.**, 1996b. Honfoglalás kori temető Szentés-Borbásföldön (Szabó János Győző ásátása nyomán)// A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Studia Archaeologica. № II. Szeged.
- Révész L.**, 1998. Szempontok a honfoglalás kori leletanyag időrendjének meghatározásához a keleti párhuzamok alapján// A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Studia Archaeologica. № IV. Szeged.
- Schulze-Dörlamm M.**, 1991. Untersuchungen zur Herkunft der Ungarn un dzum Beginn ihrer Landnahme im Karpatenbecken// Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums (1988). Mainz.
- Sebestyén K.**, 1930. Rejtélyes csontok népvándorláskori sírokban// Dolgozatok a M. Kir. Ferencz József Tudományegyetem Archaeologiai Intézetéből. № VI/1-2. Szeged.
- Sebestyén K.**, 1932. "A sagittis Hungarorum ..." A magyarok íjja és nyila// Dolgozatok a M. Kir. Ferencz József Tudományegyetem Archaeologiai Intézetéből. № VIII/1-2. Szeged.
- Sindbæk S.M.**, 1999. A Magyar Occurence. Process, Practice and Ethnicity between Europe and the Steppes// Acta Archaeologica. № 70. København.

- Straub P.**, 1999. A honfoglalás kori tegezcsontok időrendjéhez// A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Studia Archaeologica. № V. Szeged.
- Szöllősy G.**, 1992a. Íjászati alapismeretek [Основы искусства стрельбы из лука]// A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. № XXX-XXXII. 1987-89. Nyíregyháza.
- Szöllősy G.**, 1992b. Újabb adatok a népvándorlás kori íjtípusok kérdésköréhez [Новые данные к вопросу о типах луков эпохи переселения народов]// A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. № XXX-XXXII. 1987-89. Nyíregyháza.
- Szöllősy G.**, 1995a. Különböző íjtípusok mechanikai jellemzőinek kísérleti vizsgálata kincsleletei [Экспериментальное исследование механической характеристики разных типов лука]// Bölcsészdoktori értekezés. Kézirat. Budapest.
- Szöllősy G.**, 1995b. Mennyivel voltak jobb íjaik a honfoglaló magyaroknak, mint a korabeli Európa más népeinek? [Насколько древневенгерский лук лучше других луков живших в то время народов Европы?// Keletkutatás 1995/ősz. Budapest.
- Szöllősy G.**, 2000. "Élire állítva" eltemetett íjak (Hochkantgestellt begrabene Bogen)// Heves Megyei Régészeti Közlemények. № 2. A népvándorlaskor kutatóinak kilencedik konferenciája. Eger, 1998, szeptember 18-20. Eger.
- Szöllősy G.**, 2002. A honfoglaló magyarok íja. A kísérleti régészet egy példája [Лук древних венгров-обретателей родины. Пример экспериментальной археологии]// Pannicvlvs. A régésztechnikus kézikönyve I. Ser. B. № 6. Szombathely.
- Szöllősy G.**, 2004. Az avar íjak és a magyar íj fejlődéstörténeti kapcsolatai [История развития аварских и древневенгерских луков]// Fegyveres nomádok, nomád fegyveresek. Magyar Őstörténeti Könyvtár. № 21. Budapest.
- Szöllősy G.**, 2007. Mennyit tudunk a honfoglaló magyarok íjáról? [Что мы знаем о луке венгров-завоевателей?// Előadások az „Újabb eredmények a Kárpát-medence X-XI századi régészeti kutatásában” konferencián. Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest.
- Tettamanti S.**, 1975. Temetkezési szokások a X-XI. században a Kárpát-medencében// Studia Comitatus. № III. Szentendre.
- Točík A.**, 1968. Altmagyarische Gräberfelder in der Südwestslowakei// Archaeologica Slovaca – Catalogi. Tomus. III. Bratislava.
- Tóth L.**, 2005. A visszacsapó íj// A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve 2004. Debrecen.
- Trogmayer O.**, 1962. X-XII. századi temető Békésen// A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1960-1962. Szeged.
- Varga F.**, 2006. Íjak, íjászversenyek Mongóliában [Луки и соревнования по стрельбе из лука в Монголии]// Mongol játékok és versenyek. Kőrösi Csoma Kiskönyvtár. № 27. Budapest.

Summary

Á. Bíró, P. Langó, A. Türk (Budapest, Hungary)

10th-11th CENTURIES ANTLER OVERLAYS OF BOW FROM CARPATHIAN BASIN

The authors have carried out the functional determination and specification of antler overlays found in burial 6 during the authentic excavations of the 10th c. cemetery located at Szentés, Derekegyházi-oldal. An overlay that formed a back of a bow-grip is extremely rare in the material culture of the Carpathian Basin of the 10th-11th cc. Moreover, only five overlays similar to those found at the Szentés cemetery are known by now. Therefore, identification of their accurate chronological position in the above mentioned period is impossible.

In the second part of the paper the authors determined the Eastern European parallels of the bow-grip overlays of the Carpathian Basin collect, stating that similar bow-grip overlays were common to the east of the Carpathian Basin in the whole Eurasian region in the 8th-11th cc. Accurate formal counterparts of the bow-grip overlays of the Carpathian basin of the 10th-11th cc. within Eastern Europe and the 10th c. are to be found in the material culture of Sarkel (Belaja Vezha) and the surrounding regions, although they are known even in the areas to the east of the Volga river, for example in Altai region.

Accordingly, the authors have made a review of the Eastern European connections of other bow-plates and bow-overlays of the 10th-11th cc. from the Carpathian Basin. It has been determined that accurate formal counterparts of bow-end plates and bow-end overlays from the Carpathian Basin appear only sporadically and are very rare in Eastern Europe. In contrast to this, formal parallels of bow-grip plates of the Carpathian Basin appear more widely and in larger numbers in the material culture of Eastern Europe in the 9th-11th cc.

Статья поступила в редакцию в июле 2009 г